

Михаил Кликин
Малыш и Буйвол

«Автор»

Кликин М.

Малыш и Буйвол / М. Кликин — «Автор»,

Самый верный способ нажить себе неприятности – это встать на пути у какого-нибудь безумного мага или банды, притесняющей беззащитных деревенских жителей. Впрочем, виртуозные бойцы-наемники, лучник Малыш и мечник Буйвол, меньше всего думают о возможных неприятностях. Они всегда выступают на стороне обиженных, особенно если за это заплачено звонкой монетой, и горе злодею, если он решит, что способен противостоять двум доблестным воинам, которых после победы ждет неплохое вознаграждение!

© Кликин М.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая: Диск	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Михаил Кликин

Малыш и Буйвол

«Миры бесконечны, и всякий Мир бесконечен.

Ничтожен лишь человек.

Человек, осознающий свое ничтожество, – ничтожен вдвойне.

И ничтожество его безгранично».

белая книга Уанроана

«Судьба – это груз, который несет человек.

Но сбросив его, необходимо найти другую ношу. Иначе пустота оседлает человека.»

Атэист

«Свобода есть прорыв в этом мире. Свобода приходит

из другого мира, она противоречит закону этого мира

и опрокидывает его».

Н.Бердяев

Пролог

Закопченные стены пещеры сливались со мраком. Десятки свеч стояли на алтаре, но только две горели: одна – у ног бога, вторая – в его правой руке. В тишине слышно было, как трещат фитили.

Перед алтарем, склонив голову, опустившись на колени, замер изможденный человек. Четыре долгих часа он ждал, когда отзовется Бог. Уже догорали толстые свечи, и слабел аромат сожженных магических трав, а бог все молчал.

– О, Локайох, – прошептал отчаявшийся человек. – О, Повелитель Рока, Творец Судеб. Твой слуга ждет...

И бог явился.

Серая тень скользнула во тьме. Разом погасли обе свечи. Мрак вспрыгнул на алтарь.

Человек закрыл глаза и услышал Его слова:

«Цепь судеб выстроилась. Все готово. Он скоро придет».

– Как я узнаю его, Творец?

Беззвучный ответ просочился в сознание:

«Тебе незачем его узнавать, раб судьбы. Просто жди».

– Да, Повелитель. Я буду ждать.

«Совсем скоро».

– Да.

Человек открыл глаза.

Кругом была тьма.

Бог ушел.

Судьба осталась.

Часть первая: Диск

Глава 1

Лето в этом году выдалось жаркое и засушливое. В общем-то и раньше погода не радовала местных крестьян обильными дождями, редко тучи перебирались через горный хребет сюда, в котловину, но в это лето солнце пекло совсем уж нещадно, подземные ключи в округе пересохли, в колодцах осталась лишь грязная жижа на самом дне. Воды едва хватало людям, огороды и поля сохли. Урожай погибал.

Страдала скотина. Трава на пастбищах пожухла, выгорела, сделалась сухой и колючей. Горячая пыль лежала кругом, стоило пройти по бурому лугу, и целые облака ее поднимались в воздух, пыль забивалась в горло, в легкие, мешала дышать...

Шалрой шел позади стада, закрыв нос и рот плотной повязкой. На поясе у него была фляга с водой, в руке – длинный кривой посох. Широкополая шляпа спасала лицо от жгучего солнца. Он был бос, но не по бедности своей – здесь все так ходили. Простая одежда из грубой самотканой материи – длинная серая рубаша и свободные штаны – тоже ничем не отличалась от одеяний прочих крестьян...

– Харим! – крикнул Шалрой сквозь повязку. – Куда у тебя рябая пошла!? Гони ее назад!

Харим, долговязый нескладный юноша, заругался по-взрослому на отбившуюся корову, догнал ее, огрел посохом по спине, погнал к стаду.

– Рахель! – окликнул Шалрой идущего слева погонщика. – Твой край отстаёт! Не давай растягиваться!

Вдоль растянувшегося стада бегали собаки, кусали мосластых коров за ноги, басовито брехали, подгоняя, собирая в кучу отстающую скотину. Шалрой подумал, что от собак, пожалуй, пользы больше, чем от этих бестолковых подпасков...

Шалрой, Харим и Рахель гнали стадо к горам. Там, возле подножия хребта была вода, там зеленели луга, росли деревья. Студеные ручьи сбегали со снежных вершин, питая почву. И исчезали в пересохшей долине, не добежав до селения, что стояло в самом центре котловины.

Они шли уже второй день, а горы были все так же далеки. Животные не желали никуда идти, и пастухи выбивались из сил, заставляя скотину хоть как-то двигаться.

Шалрой был за старшего. Он с удовольствием командовал своими подчиненными, ругался на них, яростно жестикулировал, когда не хватало слов. Харим и Рахель – молодые парни, ровесники, угрюмо молчали и старались не обращать внимания на окрики Шалроя. Но работу свою они делали добросовестно, отлично понимая, что жизнь деревни теперь зависит от них. Скотина – вот единственное, что еще могло помочь выжить крестьянам в это засушливое, неурожайное лето. Молоко и мясо – в пищу, шкуры и шерсть – на продажу...

Стадо шло вдоль пересохшего русла ручья. Горные вершины манили белыми шапками вечных снегов. Высоко стояло жгучее солнце.

Впереди показалась яркая зеленая полоска, отчетливо видная на буром фоне равнины.

– Вода! – крикнул Шалрой.

Но к воде они вышли только через полтора часа.

Сперва появилась трава под ногами – не жухлая пыльная щетина, а сочная изумрудная поросль. Оголодавшая скотина не желала двигаться дальше. Животные останавливались, щипали траву, не замечая ударов пастушьих посохов и укусов собак.

Прошло немало времени, прежде чем стадо снова тронулось.

В канаве, что была когда-то полноводным ручьем, рос высокий тростник. Местами совершенно высохший, выцветший, он шелестел на ветру, гремел мертвыми острыми листьями.

Но кое-где, в бывших заводях и омутах, там, где еще недавно стояла вода, тростник не успел усохнуть, и погонщики спускались на дно канавы, выдирали с корнем долгие побеги, набирая целую охапку длинных стеблей, обламывали ненужные верхушки и шли дальше за стадом, грызя белую тростниковую мякоть, чуть сладкую, сочную и слегка отдающую болотной тиной.

Вскоре среди тростниковых зарослей стали проблескивать лужи. Раскисшая земля на дне пересохшего русла чавкала по ногам. Теперь пастухи не лезли вглубь за мясистыми стеблями, потому что там, в тине и грязи кишмя кишели кровососущие пиявки и мелкие черви-паразиты, заползающие под кожу и вызывающие чесотку...

Животные, утолив голод, пошли быстрее. И горы, вроде бы, приблизились. Равнина начала полого, почти незаметно подниматься. На пути попадались огромные валуны, останки древних скал, обглоданные ветрами и дождями. Источенные временем...

– Вода! – крикнул Шалрой. И на этот раз он не ошибся.

Впереди блестело озеро – раньше в этом месте ручей круто поворачивал, огибая россыпь огромных каменных обломков, и за столетия бурное течение вымыло здесь большую глубокую яму, которая не пересыхала даже в самые засушливые годы.

Коровы заторопились, почуяв близкую воду. Принялись толкаться, лезть друг на друга. Жалобно мычали в давке молодые бычки. Козы, держась в стороне от суеты, тоже спешили к водопою. Только глупые овцы не понимали причины переполоха и безумной тучей метались меж пастухами и собаками, тараща очумелые глаза и раздувая ноздри.

– Пошли! Пошли! – кричали люди. Собаки почти не лаяли, хватали за ноги отстающих животных, гнали к водопою. Псы тоже страдали от жары и жажды, но бросить сейчас стадо они не могли.

– Рахель! Куда прешь! Направо смотри! Харим! Гром тебя разрази! Куда ты ее гонишь? А, бестолочи! – Шалрой орал во всю глотку, размахивал руками. Он боялся, как бы стадо не рвануло со всех ног к воде, не потоптало овец, не раздавило коз. И телята совсем молодые в самой толкотне сейчас...

– Разделяй их! Разделяй! Харим, давай, давай своих вправо гони! Овец отгони! Не суй их под ноги! Держи! Держи!..

Но все прошло благополучно.

Так и не сорвавшись на бег, стадо спустилось к воде. Коровы забрели в омут по самое брюхо. Сообразительные козы отошли в сторону, туда, где вода была почище, и где на берегу рос клевер. Овцы под присмотром псов дружно пили, раздуваясь, словно бурдюки.

После того, как скотина утолила жажду и разбрелась по зеленому лугу, к воде сошли люди и собаки.

– Э-эх! – не раздеваясь, как был в штанах и рубахе, Шалрой прыгнул в воду и поплыл к противоположному берегу, к валунам и каменным россыпям. Харим и Рахель с легкой завистью следили за ним. Они не умели плавать. В деревне мало кто умел плавать, потому что этому негде было научиться.

Вечером приехал старый Мирх. Еще издалека замахал пастухам рукой, привстав в телеге, закричал что-то веселое – седые жидкие волосёнки развеваются по ветру, сам худой, костлявый, одежда на нем болтается, словно на палках огородного пугала.

Собаки подняли головы, заворчали, скаля клыки. Покосились на хозяев: люди спокойны, значит все в порядке. И вновь вернулись к своей основной обязанности – следить за стадом.

– Сказочник едет, – пробурчал Харим. Они с Рахелем игрались кривым пастушьям ножом, поочередно втыкая его в землю.

– Цыц! – прикрикнул на молодежь Шалрой, поднялся на ноги и не спеша направился встречать подъезжающего.

– Стой, старая! – прокричал Мирх, натянув вожжи. Сивая кобыла всхрапнула, задрала хвост, уперлась всеми четырьмя копытами в землю. Возница едва не свалился с телеги, чуть не кувыркнулся вперед, но успел-таки схватиться за большую бочку, что стояла за ним, накрепко привязанная к скошенным бортам.

– У-у, негодница! – погрозил Мирх лошади, но та даже ухом не повела. Опустила голову к земле, стала щипать траву мягкими губами.

Кряхтя и фыкая почище иного коня, старик долго спускался на землю, цепляясь за телегу, хватаясь за веревки, за упряжь, нащупывая неуверенной ногой упор, выворачивая шею, заглядывая себе за спину. Шалрой хотел было помочь старику, но Мирх свирепо посмотрел на пастуха, и Шалрой отступил.

– Негодное место нашли, – обрушился с критикой Мирх, едва только почувствовал под ногами твердую почву. – Вода не проточная. Глистов скотина нахватает, а мне потом лечи полынным семенем...

– На ночь встали, – развел руками Шалрой. – Завтра дальше пойдем.

– Дальше! – фыкнул старик. – На перевал что ли? Куда уж дальше? За горы? Или еще далече? – Он хрипло засмеялся, закашлял в кулак.

– Я ходил, смотрел, – сказал Шалрой. – Вон за тем холмиком, не так далеко, будет хороший луг. Трава мне по пояс. Ручей течет. И лесок недалеко.

– Лесок! – снова фыкнул старик. – Что ты мне рассказываешь? Я в этих местах каждый камешек знаю. Всякую корягу, каждый родничок. Распряги-ка кобылу лучше. Пусть водички попьет.

– А глисты?

– Вот еще выдумал! Сроду тут глист не бывало!

Шалрой пожал плечами и сноровисто принялся распрягать лошадь.

Харим и Рахель в отдалении все играли ножом, время от времени посматривая искоса на прибывшего старика и о чем-то негромко переговариваясь.

Прибежал здоровый пес, вожак стаи по кличке Лютый. Обнюхал старика, признал, высунил язык, улегся у его ног. Мирх, кряхтя, отдуваясь, присел на корточки, потрепал большую голову собаки, поиграл бахромой истерзанных в бесчисленных драках ушей.

– Что, старый? – спросил он у овчарки. – Небось намаялся с молодыми? Ничего-ничего. Ума у них мало, зато силушка играет.

– Поесть-то привез чего? – спросил Шалрой.

– А как же. Вон за бочкой сверток. Племянница тебе собрала. Уж не знаю, чего там.

– Переночуешь сегодня? Или сразу поедешь?

– Заночую. Как же. С одной дороги, да на другую... Я уж не молодой.

– А чего тогда сам приехал? Некого послать что ли?

– Зачем? У молодых свои дела... Ночью-то... Знамо... – Мирх закашлялся в кулак. А может засмеялся.

Шалрой освободил кобылу от упряжи, спутал ей ноги, подошел к старику, держа узелок с едой.

– Пойдем, что ли, перекусим.

– Иди. Я есть не хочу. Мы здесь посидим, – Мирх чесал пса под челюстью.

– Как знаешь, – сказал Шалрой и направился к своим помощникам.

– Ну, что он? – спросил Харим, убирая нож, когда Шалрой приблизился. Спросил негромко, так, чтобы старик не услышал.

– Переночует. Завтра назад.

– А мы?

– Пойдем вон за тот холм. Там хорошее пастбище.

Рахель поднял голову, спросил:

– Доить сегодня будем? Или утром?

– И сегодня, и утром.

– Бабья работа, – пробурчал недовольно Харим.

– Тебя забыли спросить! – Шалрой повысил голос. – Сейчас перекусим и за работу. Надо будет до темноты закончить.

– А дед чего?

– Чего дед?

– Есть не будет?

– Говорит, не хочет.

– Значит нам больше достанется.

Шалрой отвесил подзатыльник Хариму, присел рядом с парнями, развязал узелок. Достал небогатую снедь, все, что смогла наскрести хозяйничающая племянница: каравай хлеба, четыре сморщенных худосочных огурца, ломоть сыра, яйца, в маленькой коробочке – соль. Разложил угощение.

– Налетай.

Умяли все быстро. Как-никак с утра во рту ничего не было, кроме пресной тростниковой мякоти.

– Ну, пойдем! – сказал Шалрой, поднимаясь.

– Бабья работа, – буркнул Харим.

– Давай-давай! Сейчас первый же под коровьи сиськи полезешь молоко сосать...

Солнце скрылось за горами, но было еще светло.

Летние вечера длинные, едва ли не до полуночи светится небо отблесками дня. Вроде бы и луна поднимется, а вокруг все еще ясно. Ночь заглянет в мир на три-четыре часа, побудет как-то украдкой, незаметно, смотришь – а уже светает, алеют облака на востоке. Через полчаса совсем развиднеется – вот и новый день. Жаркий, сухой, как и прежние...

– Эй, старый! – крикнул Шалрой. – Ведро-то привез?

– А то! – отозвался Мирх. – Я из ума еще не выжил. – Старик поднялся, подошел к своей телеге. Загремел жестью. – Разбирайте, всем хватит.

– Ты что это? Тоже с нами? – спросил Шалрой, завидя, что Мирх вытащил четыре ведра.

– А то! Хоть за сиськи подержусь, как когда-то раньше, – он затрясся всем телом, захрипел, заскрежетал – засмеялся, закашлялся.

– Скиснет ведь молоко-то, – вмешался Харим, – не довезешь по жаре...

– А ты не встречай! – оборвал его Мирх. – Не твоего ума дело...

Они пошли к стаду, охраняемому сворой овчарок.

Тридцать пять дойных коров, коз две дюжины – всех надо обойти, выдоить, слить коровье молоко в бочку, козье – в металлический бак. А еще телят восемнадцать голов, овец без малого четыре десятка, три барана, козел, трехгодовалый бык... Большое стадо. Вся деревенская живность здесь – доверили хозяева пастухам свое имущество, свое добро. Одна надежда в этом году на скотину. Вся надежда на пастухов.

– В следующий раз пусть бабы приезжают, – сказал Харим. – Не мужицкое это дело – вымя оглаживать.

– Ишь, ты! – фыркнул Мирх. – Мужик отыскался!

И в вечерней тишине зазвенели о жесть белые тугие струйки. Собаки подошли ближе, остановились, следя за людьми, выжидая, когда кто-нибудь неловкий опрокинет ведро. Коровы с подозрением косились на псов, но стояли смирно, лишь иногда дергали ногами и стегали хвостами бока, отгоняя насекомых.

Дойку кончили уже за полночь.

Было еще довольно светло, хоть уже и высыпали на небо звезды, и поднялся над снежными горными вершинами выгнутый серп месяца.

Харим слил в бочку последнее молоко, закрыл полупустую емкость дубовой крышкой, спрыгнул с телеги. Пробурчал:

– Бабья работа, – и пошатнулся от усталости.

Старый Мирх, вроде бы совсем не утомившийся, усмехнулся, хмыкнул. Повторил за парнем:

– Бабья работа? – Он задрал голову к небу и хрипло засмеялся, двигая щетинистым подбородком так, словно что-то глотал или, напротив, отрыгивал. – Ишь, ты! С ног валится, а все туда же! Бабья работа! Посмотрел бы я на тебя после мужицкой!

– Спать пора укладываться, – негромко сказал Шалрой. Он собрал ведра, убрал в телегу, осмотрелся.

Тихо. Горы молчат. Молчит пересохшая равнина. Молчат луга.

Скотина уже дремлет. Стоя спят коровы, подергивают складками кожи, отгоняя насекомых, настоящих или приснившихся. Лежат на остывающей земле телята, жмутся друг к другу, коротко помыкивают, словно жалуются на что-то. Козы смешались с овцами, сгрудились: не поймешь, где кто, где чья голова, где чей зад, не разберешь, кто лежит, кто стоит, кто висит, зажатый со всех сторон. Собаки, вроде бы, тоже спят, но настороженные уши их подрагивают, живут самостоятельной жизнью. Черные носы повернуты к ветру. Опытный вожак Лютый, словно понимая свою ответственность, осознавая собственную значимость, то и дело поднимает голову, оглядывается и вновь опускает челюсть на вытянутые передние лапы, закрывает глаза. Не спит.

Тихо кругом. Далеко разносятся людские голоса в ночной тишине. До самых гор.

– ... утром снова доить?

– А как же. Мирх уедет, а когда потом вернется? Так чего коровам маяться? Заболеют же.

– Там уже не я приеду. Пошлю кого-нибудь. Стар уж я каждый день разъезжать.

– Пусть бабы приезжают. Сестра моя.

– Сами управимся. В деревне тоже делов хватает. Сыр кому-то надо делать, масло взбивать. Хлеб, какой-никакой, а тоже бы надо подобрать до колоска. Солому...

– Какой там нынче хлеб. Одно название.

– Да уж.

– Ведь скиснет молоко-то по жаре-то!

– А ты не каркай, не скиснет.

– Давайте спать.

– Отоспимся, когда костлявая придет.

– Долго ждать.

– Кому долго, а кому – два часка, да и доска.

– Ну, понесло старого!

– Ты не встрейай. Доживешь до моих годов, станешь дедом дедов, вырастишь сорок внучат, будешь тогда кричать... Лучше послушай, как в старые времена духов нечистых гнали.

– Сто раз уже слышали.

– Сто раз слышал, что месяц вышел. А белый день – брехня, дребедень. Ты молодой, а я с бородой. Борода негуста, голова пуста...

– Какая ж у тебя борода?

– Моя борода растет не туда. Волос недолог, зато голос звонок, ума палата, что еще надо?

– Где ты так ловко говорить-то научился, старый?

– Прибаутка, что утка, пройдешь – вспугнешь. В небо метнется, с языка сорвется.

– Ну, давайте наконец спать!

– Ляжешь рано, проспешь барана. Проснешься чуть свет – найдешь обед.

– Тыфу! Как хотите, а я укладываюсь. Ноги уже не держат.

– Ноги, что боги – каши не просят, по миру носят...

Старый Мирх так и сыпал прибаутками.

– Сказочник! – пробурчал свернувшийся калачиком Харим, ворочаясь на твердой земле, устраиваясь поудобней в ямке возле тележного колеса. Через минуту он уже спал, не слыша разговарившегося старика. Молчаливый Рахель устроился рядом с товарищем, лег на спину, заложив руки за голову и разглядывая рисунки созвездий.

– ... А когда избу поставят, надобно ее окурить березовым дымом, а углями нарисовать кресты на дверных косяках и на подоконниках, чтоб нечистые входить не могли. Под печь обязательно надо можжевельный веник сунуть, чтоб Домовник добрее был, чтоб не шалил, а помогал... – наставительно втолковывал Мирх Шалрою. А тот сидел неудобно, прислонившись спиной к жесткому тележному колесу и клевал носом. Иногда вздрагивал, пробуждался от дремы, открывал мутные глаза и осматривал окрестности: спящее стадо, собак, черную воду глубокого омута, черные вершины гор, вырисовывающиеся на фоне звездного неба. Кивал старому Мирху – слушаю, мол, слышу, – и снова ронял голову на грудь.

– ... А двор из осины не строят. Грязное это дерево, сырость вбирает. Хотя и не любят его нечистые, но лучше только ворота осиновые сделать и порог. А перегородки надобно из березы делать. А сруб весь...

Мирх тоже постепенно затихал, бормотал все неразборчивей, все медленнее. Вскоре заснул и он...

На вершине дальнего холма что-то мелькнуло. Из травы осторожно поднялась в полный рост человеческая фигура. Чужак долго смотрел на спящее стадо, затем, пригнувшись, бесшумно исчез. Растворился в ночи...

Шалрою разбудило угрожающее ворчание.

Пастух с трудом разлепил веки.

Ворчала собака. Судя по голосу – Лютый. Шалрой встревожился, сон как рукой сняло. Вожак по пустякам зубы не скалит. Он конечно стар, но свое дело знает.

А остальные псы молчат...

С гор в котловину напал туман. На востоке брезжил рассвет, и там уже матово светились низкие облака, но небо на западе еще чернело ночью. Примерно через час должно было показаться солнце.

– Что ты, Лютый? – спросил негромко Шалрой, безуспешно пытаясь подняться на отекавшие ноги, стараясь разогнуть онемевшую поясницу. Собака услышала хозяйский голос, заворчала громче на что-то, скрывающееся в тумане.

Что она там почуяла?..

– Волки, Лютый? Волки? – спросил Шалрой. Пес отрывисто тявкнул, и человек понял, что вовсе не волки встревожили собаку.

Но остальные псы спят...

– Что же там? – Шалрой наконец-то поднялся, сделал два неуверенных шага по направлению к стаду, к вытянувшейся в стойке собаке. В мышцы вонзились острые иголки, волна горячих уколов пробежала по ногам, свела икры судорогой, и Шалрой едва не упал. Остановился на месте, пытаясь разглядеть, почуять, услышать что-то, затаившееся в тумане.

– Что там, Лютый? Ату его! Возьми!..

Все спят. Харим и Рахель сопят дружно под телегой, возле колеса. Земля холодная, трава серебрится студеной росой, а им хоть бы что. Спят без задних ног, словно дома под одеялом. Ничего не слышат. Им в такт подсвистывает носом старый Мирх. Старик постелил себе под спину какую-то тряпицу, закутал босые ноги. Голова запрокинута, острый небритый подбородок

док указывает в небо. Рот открыт. Морщинистые веки полностью не закрываются, и видны белки закатившихся глаз – жуткие, желтые, с багровыми прожилками кровеносных сосудов...

Лютый стал подвывать.

Зашевелились остальные собаки. Услышали вожака.

Шалрой, повиснув на тяжелом посохе, переждал, пока отойдут ноги. Затем направился к стаду.

Скотина уже проснулась. Животные, путаясь в тумане, щипали траву, не решаясь выйти из окружения овчарок. Завидя приближающегося человека, замычали коровы. Сонные овцы рванулись в сторону, но почти сразу замерли, тараща очумелые бельма на знакомую фигуру пастуха.

– Что там, Лютый? – в который уже раз спросил Шалрой, почти вплотную приблизившись к встревоженному псу. И тот кинулся вдруг вперед и тотчас захрипел, кувыркнулся через голову, взвизгнул. Попытался встать, но не смог, всхрипнул и распластался на земле. Утонул в шупальцах тумана.

Зарычали остальные собаки, вздыбили загривки, оскалили клыки – почуяли, наконец, то, что тревожило вожака. Оставив стадо, сбились в стаю.

– Лютый... Лютый! – ничего не понимающий Шалрой сделал шаг. Второй. Третий... Наткнулся на пса, едва не наступил на него, присел, ощупывая руками...

Кровь...

В шее собаки торчал какой-то прут. Шалрой не сразу понял, что это стрела. Оперённая боевая стрела.

Вот на кого рычал Лютый!

Вот на кого скалятся остальные собаки. Скалятся, поджимая хвосты и пятясь назад.

Люди!

Кто? Где? Сколько?

Шалрой хотел закричать, но представил, как и ему в горло вливается такая же стрела, и сдержал крик. Он растерянно оглянулся на спящих товарищей. Как их предупредить? Что сделать? Откуда взялась здесь эта стрела? Что за люди?..

В тумане вдруг появилась какая-то размытая тень, словно мгновенно выросла из-под земли. Шагнула к Шалрою.

Человек с коротким луком в правой руке. Колчан, полный стрел, у бедра. Кожаная куртка, обшитая металлическими пластинами. За поясом длинный нож, скорее даже короткий меч.

И еще один силуэт поднялся из травы. И еще...

Две собаки вдруг сорвались с места, ринулись на чужаков. Человек с луком вздернул руку, и стрела уже была зажата в его пальцах. Лязгнула тетива, и одна из собак с визгом закувыркалась в траве. Вторая развернулась и бросилась наутек, увлекая за собой всю стаю. У них не было вожака, и они дважды слышали жуткий предсмертный визг. Этого было достаточно, чтобы обратить их в бегство.

А безмолвные тени быстро двигались в постепенно густеющем поднимающемся тумане. Окружали стадо, замыкали кольцо.

Человек с луком глянул на застывшего Шалроя, усмехнулся. Медленно достал стрелу, наложил на тетиву. Неторопливо поднял руку, выгнул упругую дугу лука. Шалрой словно оцепенел под прищуром холодных глаз чужака.

Между ними было не больше десяти шагов. Босой пастух с посохом и человек с взведенным луком в руках смотрели друг на друга. Один понимал, что сейчас умрет, второй почему-то медлил, и кривая ухмылка его становилась все шире.

Прошла целая вечность.

Стальной наконечник матово блеснул отточенной гранью, тут же щелкнула тетива, и свистнул воздух. Шалрой покачулся. Правую сторону головы ожгло. Запульсировала горячая боль, привела его в чувство, и он отшатнулся и закричал дико, по-звериному.

Человек опустил лук, ухмыльнулся во весь рот.

Кругом был туман. Небо исчезло.

Тени, окружавшие стадо, остановились, заслышав крик. Не спеша двинулись к Шалрою, постепенно появляясь из тумана, словно проявляясь на белесой мгле. У некоторых в руках были короткие мечи, кто-то держал дубинки – оружие разбойников.

– Он мой! – громко, во всеуслышание объявил человек, облаченный в кожаный доспех. Он поднял лук, потряс им в промозглom воздухе и добавил: – Я пометил его. Пусть уходит. Теперь он мой.

Разбойники молча развернулись.

– Уходи, – сказал ухмыляющийся человек, обращаясь к Шалрою. – Я даю тебе день, чтобы ты спрятался. А потом я начну искать тебя, Меченый.

Шалрой смолк и отступил назад, не опуская глаз, смотря в страшное лицо чужака.

Уйти? А стадо? А товарищи? А старый Мирх? Спят? Или проснулись?.. Две овчарки убиты. Лютый... Уйти? Бежать? А деревня? Люди, которые лишатся скотины. Соседи, друзья, родственники... Если бы не засуха... Если бы не засуха! Без скотины – верная смерть от голода. Уйти?..

Голова гудела, перед глазами все плыло, тошнотворно раскачивалось. Правая сторона черепа нестерпимо саднила. Шалрой осторожно коснулся горячей раны кончиками пальцев, и понял, что остался без уха.

Меченый!

День, чтобы спрятаться.

Зачем прятаться?

– Иди, Меченый. Не испытывай мое терпение.

Шалрой разомкнул непослушные губы, попытался что-то сказать.

– Что? – не понял чужак.

– Стадо... – прошептал Шалрой, уже почти теряя сознание.

– О чем ты? Не слышу... Помни, у тебя только один день.

Шалрой стал заваливаться назад. Он еще был в сознании и понимал, что падает. Возможно, он мог бы удержаться на ногах, но ему вдруг понравилось падать. Опрокидываться назад, с размаху валиться в мягкий туман, в перину облака. А перед глазами все кружилось, и звон забивал уши... Ухо...

Шалрой потерял сознание, ударившись затылком о землю. Он не видел, как улыбка оставила лицо человека с луком, и как чужак, развернувшись, пошел к стаду. Шалрой не видел, как воры окружили животных и погнали их в сторону гор, не видел, как метались перепуганные овцы, а злые люди пинали их, били дубинками по спинам, кричали, хохотали, издеваясь над обезумевшей скотиной. Он не видел, как вылезли из-под телеги Харим и Рахель, как один вытащил нож, а другой перехватил пастуший посох двумя руками, и как бросились они в туман на помощь животным. Но стрела вонзилась в грудь Хариму, а короткий меч вспорол живот Рахелью. Друзья еще ползли какое-то время по мокрой зеленой траве, вместе, плечом к плечу, мешая росу с кровью, а потом скорчились в одинаковых позах: у одного в руке нож, у другого – кривой посох. Шалрой лежал без сознания и не видел, как два разбойника ловили сивую кобылу Мирха. И как неожиданно, в тот самый момент, когда бандиты уже окружили лошадь, подобрались к ней совсем близко, протянули руки к седой гриве, из слепой мглы выскользнула вдруг худая фигура – живой скелет, ожившее пугало – выхватила из рук ближайшего оторопевшего разбойника меч, махнула клинком, ткнула вора в живот, в лицо, в пах, хрипя что-

то неразборчивое, частое, жуткое. Как блеснул кинжал второго разбойника, и старый Мирх рухнул на колени, так и не выпустив из рук вражеский меч...

Шалрой лежал, раскинув руки, и с рваного лоскута на месте уха тонким ленивым ручейком стекала на землю кровь.

Он пришел в себя и увидел небо.

Оно было невообразимо высоко. Настолько высоко, что, глядя на него, кружилась голова и что-то звенело в глубине черепа.

Над ослепительно белыми горными вершинами застыл сияющий диск солнца. Было жарко, привычно жарко, ожидаемо жарко, и Шалрой понял...

Туман... Ворчание... Тени... Звон тетивы, удар... Меченый...

... что ему приснился сон. Плохой сон. Страшный. Кошмар. Всего лишь.

Уже день. Где эти бездельники?

Он дернулся, пытаясь подняться, и застонал от вернувшейся боли и осознания.

Нет! Не сон! Все правда!

Он осторожно коснулся ладонью правой стороны черепа и ощутил под пальцами шершавую корку засохшей крови.

Мирх. Стадо. Рахель. Харим. Что с ними?

Он поднялся на локте и увидел их, хотя голова шла кругом и перед глазами металась целая туча черных гудящих мошек.

Телега. Разбитая бочка. Растоптанная земля. Раздавленные овцы и козы. Бесформенный теленок. Два пса. И три человека. Три тела. Двое лежат вместе, в одинаковых позах – скорчившись, прижав колени к животам, спрятав головы. И один – возле омута, на берегу – словно развалившееся огородное пугало – выпирающие острые углы, рваные тряпки, крестовина раскинутых рук. И короткий меч рядом.

Шалрой долго смотрел на тела, и в голове его было пусто.

Как же так? Вот так? Как же?..

Лицо его задергалось, перекошилось, он захрипел, задергал губами:

– От... те... те... ц-ц... от-тец...

Пополз к телу на берегу ручья. На четвереньках, шатаясь, словно раненый зверь.

– Отец!..

Осторожно тронул холодный труп, еще не веря в смерть родного человека, еще пытаясь нащупать биение жизни, почувствовать дыхание, хоть самое малое движение.

Ничего...

– Отец!.. – Шалрой навалился на грудь мертвому старику, родному любимому человеку, вечному балагуру, весельчаку. Подсунул руки под высохшее тело, приподнял, крепко обнял. Вспомнил мать, вспомнил, как она умирала. Как велела смотреть за отцом, за ее шалопутным мужем... Не усмотрел... И слезы навернулись на глаза. Злые слезы, горячие, тошнотные. Он затряс головой, не давая им пролиться. Скрипнул зубами:

– Убийцы! – погрозил куда-то кулаком, в расплывшийся радужный мир и вдруг содрогнулся, сжался и зарыдал во весь голос, сам стыдясь этой своей слабости.

Глаза высохли. Ушло бессильное бешенство, растворилось в обжигающих слезах ожесточение.

Он смирился.

Его отец мертв, мертвы его товарищи. Ну и что с того? В конце концов, жизнь – это умирание. И рано или поздно...

Но какая-то часть его разума не хотела смирения, требовала справедливости, возмездия...

Но что он мог сделать?

Без стада деревня обречена. Его племянница Айхия. И сестра Харима. И мать Рахеля. И счастливый сосед Фарук, у которого, не прошло еще и месяца, как родился первенец. И старый Халтет, ровесник отца, его друг. Все они... Кто-то из молодых, возможно, теперь покинет родные места, уйдет через перевал за горы, в большой мир. Кто-то решится... Решится ли? Ведь у них есть старые родители, которые никуда не заходят идти. А захотят, так не смогут. Разве дети бросят их?

Меченый...

Теперь они все меченые.

Засуха погубит деревню, голод рано или поздно убьет людей. Впрочем, бандиты могут опередить голод...

Шалрой принял решение. Ему доверили стадо. И он обязан его вернуть.

«...у тебя только один день...»

Времени так мало.

Он осмотрелся в последний раз.

Высоко в небе кружили стервятники. Они уже давно заметили поживу, но присутствие живого человека сдерживало их, не давало немедленно приступить к пиршеству. И птицы терпеливо ждали, зная, что свое они все равно получат.

Шалрой осторожно перетащил тела мертвых товарищей к разбитой телеге, прикрыл досками, завалил каким-то тряпьем. Он не мог похоронить их согласно обычаю, но по крайней мере он спрятал друзей от падальщиков. А через день, максимум через два, встревожившись долгим отсутствием Мирха, сюда приедет кто-то из деревни и позаботится о телах должным образом.

Шалрой присел на корточки перед курганом из обломков телеги, поклонился своим землякам, прошептал короткие слова охранного наговора, помолчал, затем рывком поднялся на ноги и заспешил прочь, направляясь к высящимся скалистым вершинам, к горному перевалу, за которым начинался большой мир, мир незнакомых людей и чужих обычаев. Когда-то Шалрой уже был там, и вот теперь пришло время снова туда вернуться...

Шалрой спешил за справедливостью. Жизненный опыт подсказывал пастуху, что отыскать справедливость нельзя.

Но пастух знал, что справедливость можно купить.

Глава 2

Улица была тесная и походила на темное ущелье. Высокие каменные дома загораживали небо, серые слепые стены заслоняли солнце. Здесь всегда было сумрачно и прохладно. И только местами отдельные лучики света пробивались на дно уличного каньона и расплескивались по булыжнику мостовой желтыми теплыми пятнами, каплями яркой краски на унылой серости города.

В одном из таких рыжих пятачков устроился человек. Он сидел прямо на булыжнике, прислонившись спиной к холодной каменной стене и подняв лицо к кусочку солнца, что заглядывало в щель между двумя домами. Глаза его были закрыты, губы кривились в довольной пьяной улыбке. От него несло кислыми парами алкоголя – стена, на которую человек опирался лопатками, была частью питейного заведения Барта-Самогонщика. У Барта была самая дешевая выпивка в городе. И самая, впрочем, поганая.

Человек наслаждался солнечным светом и ему не было никакого дела до идущих мимо людей, которым приходилось перешагивать через его вытянутые ноги, обутые в высокие кожаные сапоги. Если кто-то запинаясь о них, то человек чуть приоткрывал глаза, и по его взгляду можно было заметить, что он не настолько пьян, как кажется.

Его звали Буйволом. И прозвище это, уже давно ставшее именем, подходило к нему, как нельзя лучше. Он был массивен, мускулист, имел привычку глядеть исподлобья, набычившись, обычно ходил не торопясь, чуть раскачиваясь, внушая уважение одним своим видом. Да и голос его был густ и громок, словно рев быка.

Вот уже четыре долгих тоскливых дня Буйвол торчал в безымянном городишке, ожидая, пока подвернется какая-нибудь подходящая работёнка. Он страдал в городской тесноте и многолюдности, среди грязных улиц, залитых помоями. Он тосковал по солнцу, по раздольному небу, по свежему ветру. И глушил свою тоску дешевым самогоном и прокисшим пивом...

Кто-то вновь запнулся о его ногу и выругался. Буйвол даже не стал открывать глаза, чтобы посмотреть на очередного бездельника, ошивающегося на улице. Но на этот раз пешеход не прошел мимо. Он остановился и повторно выругался, брезгливо разглядывая развалившегося пьяницу. Стало прохладно и темно – тень прохожего легла на солнечное пятно. Почувствовав неудобство, Буйвол все же открыл один глаз. Перед ним, загораживая солнце, стоял высокий воин в дорогой кольчуге и с длинным мечом, убранном в инкрустированные отборными изумрудами ножны. Он стоял, вызываясь расставив ноги, и лицо его выражало беспредельную брезгливость. Буйвол, зевнув, лениво открыл второй глаз и пробормотал:

– Ты загородил мое солнце.

– Подбери ноги, пьянь! – сказал блистающий воин.

Буйвол пьяницей себя не считал, но спорить не стал, поскольку его одолевала лень. Он лишь попросил:

– Отойди со света, – и даже слегка шевельнул ладонью, удивляясь про себя, какие же иногда встречаются тупые люди.

– Убирайся отсюда! – рявкнул воин, хватаясь за рукоять меча.

– Почему? – Буйвол начал понимать, что в покое его не оставят. Он глянул за спину наглому воину и увидел, что на солнце напозла тучка. Это было плохо.

– Еще одно слово и твое тело выкинут на городскую свалку!..

Буйвол не любил таких вот городских выскочек. Напялят на себя доспехи, стоимостью в целое состояние, нацепят меч, продав который, можно в течении года кормить несколько простых семей, и думают, что имеют право всем везде заправлять. А и драться-то толком не умеют... Он фыркнул в ответ на нелепое заявление красавчика в кольчуге.

Воин на мгновение замешкался, решая, считать ли это фыркание словом. Но Буйвол не дал ему долго размышлять, коротко гаркнув:

– Пшел прочь!

– Что-о? – холёное лицо вытянулось.

Солнце скрылось за тучкой и, видимо, надолго. Буйвол нехотя поднялся на ноги, поправил ножны на бедре, словно невзначай коснулся пальцами рукояти меча. Повторил, с удовольствием дыхнув перегаром в ухоженное лицо:

– Пшел прочь!

Воин, не стерпев такой наглости от пьяного оборванца, рванул свой драгоценный меч из ножен, но Буйвол оказался проворней. Лязгнула сталь, свистнул воздух, и красавчик схватился за плечо, выронив оружие и страшно побледнев.

– В следующий раз не загораживай людям солнце, – пробормотал Буйвол и легким незаметным движением вернул меч в ножны. Он развернулся, потеряв всякий интерес к посрамленному воину и, твердо шагая, вернулся в заведение Барта-Самогонщика.

Прохожие, видевшие эту короткую схватку, остановились на мгновение, наблюдая, как раненый воин в рассеченной кольчуге, подобрав меч, торопливо скрывается в переулке, зажимая ладонью левой руки кровоточащее плечо. А когда он исчез за поворотом, люди тотчас забыли о происшествии. Ничего особенного в этой стычке не было. И без того у каждого хватало забот.

Только один человек в широкополой обтрепанной шляпе и с посохом в руке стоял дольше остальных, размышляя о чем-то и посматривая на дверь, за которой скрылся Буйвол. Приняв какое-то решение, что отразилось на его простом загорелом лице, он поднялся по ступенькам и толкнул дверь в питейную Барта-Самогонщика.

Денег оставалось совсем ничего. Дня на три-четыре. Максимум на декаду. И как назло, никакой работы, даже самой завалающей.

Насупившийся Буйвол почесал переносицу и одним махом опустошил кубок с прокисшим пойлом, что называлось здесь пивом. Сморщился, повел буграми плеч, рыгнул в кулак.

– Прошу прощения, господин. Я могу с вами поговорить?

Буйвол не сразу понял, что обращаются к нему, настолько он привык к своему одиночеству. Да и в новинку ему было слышать столь уважительные слова, адресованные его скромной персоне.

– Я присяду? – босой старик в пропыленной холщовой одежде и в шляпе, что обвисшими полями скрывала почти все его лицо, опустился на соседний табурет, пристроил корявый узловатый посох меж ног, оперся локтями на стол.

Буйвол хмыкнул, разрешая старику остаться.

Они посидели молча, не глядя друг на друга, словно привыкая к обществу. Старик, казалось, заснул. Лица его не было видно, только торчал из-под нависающей шляпы острый небритый подбородок. Буйвол некоторое время мучительно размышлял, стоит ли вновь наполнить опустевший оловянный кубок вонючим напитком. Решил, что на сегодня достаточно и перевернул чашу вверх дном.

– Ну, и? – спросил он, поворачиваясь к старику.

– Я видел, как вы дрались.

– Когда?

– Только что. Возле входа.

– Дрался! – фыркнул Буйвол. – Проучил зарвавшегося богатея.

– Но это движение. Эта скорость. Просто великолепно.

– Да... – Буйвол приосанился. – Я знаю лишь одного человека, который двигается быстрее меня. Но он мой друг и, кроме того, он не дерется на мечях...

Старик снял шляпу, и Буйвол увидел, что никакой это не старик. Просто осунувшийся усталый человек средних лет, кожа которого опалена горячим солнцем, высушена жгучими ветрами.

– Меня зовут Шалрой. Мне нужна помощь.

– Все зовут меня Буйволом. И от помощи я бы тоже не отказался.

Они вновь помолчали, разглядывая полупустой зал питейного заведения. Было сравнительно тихо – по утрам здесь всегда было тихо – только в дальнем углу громко и часто икал какой-то замызганный человечиска. Он был сильно пьян и все порывался затянуть какую-то песню, но икота сбивала его, не давая вымолвить ни единого слова.

– Так что у тебя? – спросил Буйвол, вдоволь налюбовавшись на перепившего певца.

– Я ищу хороших бойцов.

– Ты? Босьяк? Ищешь бойцов?

– Да. – Шалрой кивнул.

– Зачем?

– Чтобы наказать воров и вернуть похищенное.

– Ты ищешь наемников?

– Да.

Буйвол откинулся на спинку стула и расхохотался так громко, что пьянчуга в углу перестал икать и удивленно вытаращился в их сторону, шевеля бровями и пытаясь сфокусировать плывущий взгляд.

– Извини, – сказал Буйвол, просмеявшись и заняв нормальное положение. – Ты хоть знаешь, во сколько обходится один день наемника?

– Я плачу не деньгами, – сказал Шалрой.

– А чем?

– У меня угнали стадо. Тридцать пять дойных коров, две дюжины коз, телята, овцы. Я отдам половину.

Буйвол покачал головой:

– Не думаю, что кого-то устроят такие условия.

– Но... – Шалрой вздернул голову. От отчаяния он повысил голос и перешел «на ты». – Ты не понимаешь! Они убили моего отца, двух парней из моей деревни, угнали стадо! Мы все умрем без скотины! Кто-то может и уйдет, но большая часть людей не оставит своих домов. Им некуда идти, их никто не ждет, они просто боятся. А к зиме все перевалы завалит снегом и будет уже поздно. Никто не выйдет! Деревня умрет! Все умрут! От голода...

– Ладно, не кричи, – поморщился Буйвол.

– Половина стада – это много. Если продать, то...

– Я знаю. Но воин никогда не будет что-то продавать.

– Хорошо, мы продадим сами и заплатим деньгами.

– А если стадо не удастся найти? Если скотина уже вся передохла? Если, если, если... У тебя нет денег и потому ты не сможешь никого нанять.

– Но... – Шалрой сник. Буйвол с сочувствием смотрел на него.

Пьяница в дальнем углу затянул песню. И тотчас подавился икотой.

– Значит ты мне не поможешь? – спросил Шалрой.

Буйвол помотал головой:

– Тебе никто не поможет.

Шалрой тяжело поднялся, опрокинув стул. Покачиваясь, направился к выходу. Наткнулся на угол стола, развернулся, едва не упав. Словно слепой он добрал до двери, привалился к косяку. Уткнулся лбом в холодную стену, в какой-то листок бумаги, наклеенный прямо на камни.

Все бесполезно... Куда теперь? Назад? Уже шестеро отказались. Те, что в золоченых кольчугах, даже разговаривать не стали, высмеяли, тыкая в него пальцами. Бойцы, одетые попроще, слушали внимательно, но как дело доходило до условий оплаты, качали головами и скрывались в переулках... Неужели правда? Неужели никто не поможет?

Болела голова.

Кругом так много людей. Непривычно много. Они мелькают, мельтешат, спешат куда-то, бегут. Чужие, незнакомые. Голова кружится, тяжело думать. Так много людей! И никому нет никакого дела...

Шалрой оттолкнулся руками от стены, уже было взялся за дверную скобу, как вдруг его внимание привлек листок, в который он только что упирался лбом. Прямоугольник серой бумаги, наклеенный возле двери так, чтобы каждый, кто выходит, видел нарисованное лицо и жирную цифру с тремя нулями.

«Разыскивается» – с трудом разобрал Шалрой, шевеля губами, проговаривая слоги. В деревне он был единственным, кто умел читать. – «5000 серебром. За живого или мертвого».

Шалрой всмотрелся в знакомое лицо, нарисованное на бумаге. Грубые четкие штрихи точно передавали выражение колючих глаз, кривую ухмылку. Художник знал свое дело. Ошибиться было невозможно.

Шалрой сдернул листок со стены. Решительно направился к сонному Буйволу, не спешащему покидать пустой стол. Хлопнул ладонью по столешнице, впечатав рисунок в липкую лужу.

– Это он!

– Кто? – сморщился жаждущий одиночества Буйвол.

– Человек, который сделал вот это, – Шалрой повернул голову и убрал прядь волос с изуродованного уха. – Это он угнал стадо. Он и его люди. Здесь написано, что за этого человека дадут пять тысяч серебром.

– Пять тысяч? – Буйвол притянул объявление к себе и бегло пробежал глазами короткий текст. – Уже пять тысяч... Ты уверен, что это он?

– Да. Я уверен. Это он.

– Пять тысяч...

– И все твои.

Протрезвевший очнувшийся Буйвол не медлил ни секунды:

– Хорошо! Я помогу тебе.

Они вышли из кабака и остановились у дверей. Шалрой бездумно глядел на прохожих, а Буйвол озабоченно почесывал переносицу, напряженно о чем-то размышляя.

– Далеко ли твоя деревня?

– Не очень. Дня за четыре дойдем, если поторопимся. Я знаю короткие пути. Но нам надо будет перейти горы.

– Горы? – Буйвол глянул на юг, в сторону скалистого хребта. Но, конечно же, ничего не увидел – все загородили слепые каменные стены домов.

– Да.

– Но за ними ничего нет. Только... Разве что... Уж не в Мертвой ли Котловине ты живешь?

– Да, – Шалрой знал, что именно так здесь называют ту местность, откуда он пришел.

– Серьезно? Говорят, что это не самое лучшее место.

– Мы привыкли. Конечно, там сухо. Очень сухо. И земля худородная. Но мы привыкли.

– Вот уж не думал, что в Мертвой Котловине... – Буйвол покачал головой.

– Мы привыкли, – повторил Шалрой. – Наши предки пришли в эту долину с той стороны гор, из южных пустынь. А уж там жизнь была куда тяжелее.

– Не сомневаюсь.
– В котловине спокойно, никто не лезет на наши земли, да и мы стараемся не показываться людям из большого мира. Там тихо...
– И потому Чет решил спрятаться у вас.
– Кто?
– Чет Весельчак. Человек, который отстрелил тебе ухо. Я слышал, он очень неплохой стрелок.
– Он убил наших собак...
– Собак... – хмыкнул Буйвол. – Он убивает не только собак. Удивляюсь, как это он промахнулся, метя в тебя.
– Он не промахнулся. Он сказал, что я меченый.
– А-а... – протянул Буйвол. – Понятно. Похоже на него... Потому-то его и прозвали Весельчаком. Я слышал, что он любит охотиться на людей, но не очень-то верил этому... Выходит, что слухи, дошедшие до меня, правдивы. И это не радует...

Они помолчали какое-то время.

– Пошли, – наконец сказал Буйвол и, оттолкнувшись от стены, шагнул в поток людей. Шалрой последовал за ним, боясь потерять новообетенного товарища из виду.

Они вышли из узкого переулочка, где располагалось питейное заведение Барта, проследовали вдоль короткой улицы, нырнули в подворотню, проскользнули сквозь щель в высоком заборе и в конце-концов оказались на рыночной площади города. Здесь было шумно, пыльно и многолюдно. Пахло навозом и потом. Этот тяжелый запах был везде – в любом закутке рынка, во всяком углу площади. Но у каждого лотка, возле каждого тента, палатки, мастерской или магазинчика пахло еще чем-то своим, особенным: медом и копченым мясом, раскаленной сталью и жженым углем, фруктами и специями...

Буйвол остановился, не обращая внимания на сердитые толчки идущих мимо людей, и, вытянув шею, завертел головой, не то прислушиваясь к окружающему многоголосому гаму, не то что-то вынюхивая. Он стоял так довольно долго, глядя куда-то вдаль поверх сотен голов, затем удовлетворенно кивнул, обернулся к ждущему Шалрою, показал рукой в сторону, в самую теснину холщовых палаток и легких дощатых домиков и сказал:

– Нам туда.

– Их было не меньше десяти, – на всякий случай решил предупредить Шалрой, имея в виду бандитов, угнавших стадо. Буйвол его отлично понял.

– Мы идем за подмогой, – объяснил он и вновь показал рукой нужное направление. – Держись за мной, не потеряйся.

Не сказав друг другу больше ни слова, Буйвол и Шалрой пересекли площадь.

Здесь, в устье двух широких улиц, впадающих в бурлящий водоворот рынка, было не так многолюдно. По периметру площади и вдоль улиц стояли одинаковые двухэтажные дома из красного кирпича – гостиницы для удачливых торговцев, харчевни, склады, конторы. Острые крыши с башенками венчали развевающиеся по ветру тряпичные флаги с цветастыми эмблемами. Эти пестрые вымпелы были видны издалека. Уж не их ли высматривал Буйвол с площади?

– Направо, – Буйвол свернул к глухому деревянному забору, по верху которого часто торчали острые шипы.

Ворота не были заперты и легко распахнулись, пропуская гостей на просторный двор. Буйвол вошел и сразу остановился, осматриваясь. Шалрой, ступив на утопанную землю двора вслед за воином, зачем-то снял с головы шляпу и принялся мять ее в руках.

Прямо перед ними, метрах в десяти, высился двухэтажный каменный дом с просторным перекошенным крыльцом и множеством неровных пристроек. Вытянутые окна его были

забраны некрашеными кованными решетками, стены местами потрескались, фундамент зарос вьющейся травой. Видно было, что хозяин не очень-то заботится о внешнем виде своего заведения.

Чуть в стороне, привалившись одной стеной к забору, скособочился длинный бревенчатый сруб конюшни. Из крохотных окошек доносилось фырканье лошадей и негромкое ржание. Ровная, идеально сложенная скирда сена возносилась над крышей конюшни, словно сторожевая башня.

Из-за дома слышались азартные выкрики. Буйвол заглянул за угол. На площадке, на обширном деревянном помосте под дощатым навесом, где новоприбывшие торговцы обычно разгружают лошадей и складывают из своих тюков высоченные пирамиды, толпились люди.

– Он здесь, – сказал Буйвол, обернувшись к Шалрою и чему-то улыбаясь.

Пастух промолчал, надел шляпу, спрятав слезящиеся глаза от солнца, и сел прямо в пыль возле ворот. Ему было все равно. Он до изнеможения устал.

Глава 3

– Эй, парень, а зовут-то тебя как? – прокричал румяный здоровяк, выступив из толпы.

– Зачем тебе, Круглый?

Новоявленная кличка понравилась зевакам, и они засмеялись, захлопали здоровяка по заплывшим жиром плечам.

– Чтобы знать, как зовут самого хвастливого человека в этом городе.

– А при чем здесь мое имя?

– А что мне написать на твоём могильном камне?

– Мой могильный камень уже давным-давно готов. Дома лежит. Матушка позаботилась об этом с самого моего рождения, таким слабым я был. Думали, и десяти дней не проживу. Мне даже нормального имени не дали. А на камне написано: «Малыш».

– Хорошо, Малыш, – посерьезневший здоровяк кивнул. – Значит, я стреляю в тебя трижды. И если ты останешься жив, то получишь от меня десять монет. Я все правильно понял?

– Схватываешь на лету, Круглый, – невысокий, худощавый парень, назвавшийся Малышом, широко улыбался и похохатывал, но глаза его оставались серьезными, и лоб морщился глубокими складками. – Неужели тебе доставляет удовольствие стрелять в безоружного?

– Еще какое.

– А приходилось тебе раньше иметь дело с луком?

– Нехитра наука... – Здоровяк потер ладони, похлопал себя кулаками по бочкообразной груди, хрустнул запястьями, словно готовился к рукопашной.

– Эй! Где там мой лук? – крикнул в толпу Малыш. – И три стрелы.

Вперед вышел хозяин гостиницы в кожаном фартуке и тапках на босу ногу, протянул оружие. Малыш принял лук, дернул тетиву, поднял над головой стрелы.

– А не тупые? – крикнул кто-то из задних рядов.

– Кто хочет, может проверить, – сказал Малыш, и сразу несколько рук протянулись к нему. Он неспешно подошел к каждому сомневающемуся, легко царапнул наконечниками стрел кожу подставленных ладоней.

– Все нормально! Острые! – вразнобой подтвердили несколько голосов.

– Эй, парень, – негромко обратился к Малышу вдруг побледневший, изменившийся в лице здоровяк, – а если я тебя убью?

Его услышали, заметили дрожь рук, заулюлюкали, засвистели:

– Давай, Круглый! Сам вызвался! Давай, не трусь!

Малыш улыбнулся широко, сверкнул ослепительно великолепными зубами, лукаво подмигнул толпе. И люди закричали громче, затопали ногами по доскам помоста. Они жаждали зрелища.

– Держись, Круглый! Давай-давай! Это тебе не свиней забивать!

– Разойдись! Дай простор! – Малыш развел руки в стороны, пошел на толпу. Люди посторонились, попятились, освобождая место. Кое-кто уже видел это представление, но большинство наблюдали за происходящим действием впервые.

– Целься как следует, – быстро шепнул Малыш, передавая лук и стрелы здоровяку. – Все будет нормально, – и торопливо отошел, чтобы зрители не могли потом обвинить их в сговоре.

Он встал на конце помоста, спиной к глухому забору, по верху которого торчали острые шипы. Попрыгал, проверяя доски под ногами, примеряясь к чуть пружинящему помосту. Глянул на солнце – главное, чтоб не светило в глаза. Поднял руку, давая понять, что готов.

Люди отступили еще на шаг, расширив коридор для полета стрелы. Кто знает, куда попадет трясущийся мясник, из-за глупости своей вовлеченный в спор? Зеваки перестали галдеть, закутали головами, переводя взгляд с одного края помоста на другой – со спокойного Малыша

на растерянного здоровяка. И назад – со здоровяка с луком в руках на едва заметно напрягшего Малыша. В чем хитрость? Кто обманывает? Обманывает ли?..

– Не вздумай промазать, – угрожающе крикнул кто-то из толпы зрителей. – Мы потом тебя самого стрелами утыкаем.

– Ну же, Круглый! – подзадорил Малыш.

Здоровяк посмотрел на выстроившуюся толпу, увидел что-то в лицах людей и сник еще больше.

– Давай-давай! Не тяни! – хищно прокаркали голоса.

Он наложил стрелу, поднял лук к груди, медленно натянул тетиву. Постоял так, никуда особенно не целясь, собираясь с духом. Мотнул головой, опустил лук.

В толпе разочарованно засвистели, затопали ногами.

– Давай, сволочь! Не тяни!

Откуда-то вылетел булыжник, ударил мясника в бедро, и тот вздрогнул, дернулся было к разозленной толпе, но увидел оскаленные рожи, злые глаза и остановился, не сделав и шага. К лицу его прилила кровь, ноздри раздулись.

– Стреляй, сволочь!

Здоровяк вновь поднял лук. Прищурившись, глянул на застывшего в пятнадцати шагах Малыша. Постарался забыть, что это стоит человек. Представил, что это просто силуэт на фоне забора. Мишень, нарисованная на досках.

Он натянул тетиву, чувствуя, как она врезается в плоть непривычных пальцев.

– Лучше целясь!

Сверкнула металлом острая грань наконечника, что-то резануло его по пальцам, ожгло, содрало кожу, и он не сразу понял, что это сорвалась тетива.

Толпа ахнула. Они следили за мясником, ожидая выстрела и не успели заметить, как Малыш немного повернулся корпусом, пропуская летящую стрелу.

– Мимо! – проревели голоса. – Куда метишь, раззява?! Давай еще! Подстрели его!

Мясник послушно взял в ободранные пальцы еще одну стрелу, прицелился. Точно в плечо. Чтобы не убить. Только ранить. Ранить, чтобы это все наконец-то кончилось...

– Чего ждешь!

Стрела сорвалась, со свистом прошив воздух. И на этот раз увидели все: Малыш как-то странно дернул плечом, слегка изогнулся, коротко отмахнул рукой, не сходя с места... Стрела вонзилась в забор рядом с первой.

– В живот стреляй! В живот, дурень!

Мясник не слышал криков. Он полностью отключился от реальности. Сейчас ему действительно казалось, что перед ним не человек, а просто мишень. Безжизненный манекен, предназначенный для того, чтобы оттачивать технику стрельбы из лука. И он взял третью стрелу, последнюю. Прицелился точно в грудь. В грудь соломенного чучела. Медленно-медленно натянул тетиву, не сводя глаз с цели, видя одновременно наконечник и мишень, совмещающая их... Когда-то он неплохо стрелял. Оленей. Охотился. Браконьерил. Бил. Бегущих. Не то что стоящих неподвижно... И дальше они были. Значительно дальше. Не в пятнадцати шагах. Нет...

Выгнутая дуга лука распрямилась. Тетива швырнула в воздух стрелу и несколько капель крови с ободранных пальцев.

Малыш молниеносно отступил правой ногой в сторону, качнулся корпусом вправо, немного скрутился, прогнулся...

Стальной наконечник с глухим стуком впился в толстые доски забора...

Толпа некоторое время потрясена молчала. Затем кто-то хрипло прокричал:

– Обман! Надувательство! Они сговорились! Ну-ка, дай мне! Я попробую! Из своего лука! – Оттолкнув мясника, на его место встал человек, фигурой и движениями похожий на

медведя. Потянулся за луком, что висел за плечами, уже шурясь, прикидывая расстояние, направление ветра, всматриваясь в мишень. Но тут, раздвинув толпу, к нему вышел плечистый крепыш с бычьей шеей, загородил собой полмира, властно махнул рукой:

– Убирайся. На сегодня все.

– А ты кто такой?

Проигнорировав вопрос, крепыш повернулся спиной к неудавшемуся стрелку.

– Ты закончил, Малыш? Я пришел за тобой.

– Осталась самая малость – забрать десять монет.

– Давай быстрее и пойдем.

– Ты что-то нашел, Буйвол?

– Меня нашли. Пять тысяч серебром.

Малыш присвистнул:

– Я мигом... Эй, Круглый! Как там наш спор?

Мясник закивал, полез в карман. Он еще не совсем пришел в себя, и его руки дрожали, когда он отсчитывал монеты в ладонь Малышу.

Человек, похожий на медведя, крикнул, отступая назад:

– Нас надули! – но толпа уже расходилась, и он, бросив опасливый взгляд на Буйвола, тоже поспешил скрыться.

– Опасные игры, – покачал головой Буйвол, когда они с Малышом остались наедине.

– Ерунда. Никакой опасности. Я же вижу их глаза и руки, вижу, куда они целят, и чувствую момент, когда они пускают стрелу. У них всё написано на лицах. А кроме того, я обычно немного ослабляю тетиву.

– А! – неодобрительно и едко хмыкнул Буйвол. – Тогда понятно. Тогда, конечно, никакой опасности.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Малыш. – Как будто в первый раз... Питаться нам на что-то же надо.

– Мертвым еда не нужна.

– А я еще живой.

– Я не ругаться с тобой пришел, – Буйвол сердито потер переносицу согнутым указательным пальцем. – Есть работа.

– Это я уже понял. Какая?

– Похоже, мы нашли Чета Весельчака.

– Пять тысяч?

– Да. Уже пять тысяч.

– Кому он потребовался на этот раз?

– Все тем же.

– Монахам?

– Им самым. Служителям Локайоха.

– И где он сейчас?

– В Мертвой Котловине.

Малыш присвистнул.

– Жаркое место.

– Зато недалеко.

– А Чет не дурак. Знает, где можно спрятаться. Кстати, откуда ты узнал, что он там?

– Пойдем, я вас познакомлю...

Вдвоем они вернулись к воротам. Возле столба, закрыв лицо шляпой, вытянув ноги, дремал Шалрой.

– Это он? – хмыкнул Малыш, разглядывая спящего босяка.

– Да. Чет угнал у него стадо. И пометил, отстрелив ухо.

– Ухо? – Малыш заинтересовался, присел, заглянул Шалрою под шляпу. – Со скольких шагов?

– Не знаю.

– Как его зовут?

– Не знаю.

– Тогда буди его. Будем знакомиться...

Шалрой спал крепко и на легкие толчки не реагировал. В конце-концов Буйволу надоела эта затянувшаяся возня, и он схватил пастуха за плечи, приподнял рывком, рывкнул в умиротворенное грязное лицо:

– Подъем!

Шалрой с трудом разлепил веки. В глазах его была пустота.

Буйвол отпустил пастуха, и тот упал задом на жесткую землю, больно ударившись копчиком, сдавленно охнул, окончательно пришел в себя.

– Знакомься, это мой напарник. Его зовут Малыш. А тебя как?

– Шалрой.

– Вставай и пошли.

– Куда, господин?

– Спасать твое стадо.

– Вдвоем? – Шалрой приподнялся, отряхнул штаны, выбив из них целое облако пыли.

– Втроем.

– Их было не меньше десяти, – сказал Шалрой.

– Это я уже слышал.

– С какого расстояния он отстрелил тебе ухо? – заинтересованно спросил Малыш.

– Я плохо помню, господин.

– И хватит тебе называть нас господами, – Буйвол поморщился. – Я – сын лесоруба, он – сын ткача. Его зовут Малыш, меня – Буйвол. И больше никаких господ. Понятно?

Шалрой кивнул, не рискнув ответить вслух, ведь «господин» так и вертелось на языке.

Вечером они оставили город, его грязные темные улицы, пропахшие вонью помоев.

Они ушли налегке, купив три фляги пива, три карава хлеба и три больших куса вяленого мяса. Все имущество было при них: у Буйвола – меч и мешок с провизией, у Малыша – лук со стрелами и кошель с остатками денег, у Шалроя – шляпа и посох.

Пешком они шли недолго. Вскоре их нагнала скрипучая телега. Малыш дружелюбно улыбнулся вознице, сказал несколько слов, и крестьянин, возвращающийся из города в родную деревню, натянул поводья, мотнул головой – залезайте. Он был рад попутчикам – уже смеркалось, а ехать одному в ночи было жутковато.

Шалрой почти сразу заснул, а Малыш и Буйвол разговорились с возницей. Впрочем, говорил больше Малыш. Буйвол помалкивал, слушал, смотрел по сторонам.

Старая кобыла не торопилась, ноги переставляла медленно, скрипучую телегу тащила словно через силу. Поднялась на горизонте серая луна. Поползла ввысь, в темнеющее небо, к разгорающимся звездам. Малыш опрокинулся на спину, лег, заложив руки за голову, разглядывая далекие небесные искры, холодные, мерцающие, и все говорил, говорил... Крестьянин улыбался чему-то, сонно кивал, изредка чмокал, подгоняя лошадь, тербил вожжи. Буйвол, держась за рукоять меча, зачаровано следил, как смыкается вокруг них ночь.

Было спокойно. Тихо.

Только негромко разговаривал Малыш, не нуждаясь больше в собеседнике. И скрипела телега.

И где-то далеко-далеко в стороне кто-то подвывал – не то волк, не то собака.

Этой же ночью в город вошел высокий худой человек.

До самого утра он бродил по улицам и переулкам, и стук его посоха тревожил чуткий сон горожан. Незнакомец обошел все гостиницы. Он барабанил в запертые двери до тех пор, пока ему не открывали. Иногда ждать приходилось долго. Так долго, что в окрестных домах загорались окна, и мелькали за стеклами пятна лиц. Хозяева постоянных дворов выходили с ножами в руках, готовые дать отпор, если ночной гость окажется грабителем.

Но незнакомец лишь спрашивал, не остановились ли здесь два воина – лучник и мечник. Малыш и Буйвол – кажется так их зовут. Может их где-то видели? Нет? Не слышали?..

Ночной гость стоял на пороге и не собирался входить. Одет он был бедно, оружия при нем, вроде бы, никакого не было, но хозяева гостиниц почему-то смиренно отвечали на все его вопросы. Они чувствовали что-то необычное в этом человеке, нечто странное. Его манера держаться, разговаривать... Его осанка и взгляд... Он словно бы считал себя равным богам. Или даже нет – казалось, что он считал себя выше богов.

Это было странно, тем более, что на его щеках темнели круглые монашеские клейма. Печати бога Локайоха.

Станный человек...

– Они ушли, – сказал хозяин гостиницы, что пряталась за глухим забором, по верху которого часто торчали острые шипы. – Малыш снимал у меня комнату. И Буйвол приходил, да. Впрочем большую часть времени он проводил у Барта-Самогонщика. Малыш часто показывал свое представление. Там, на заднем дворе. Уворачивался от стрел, знаете, слышали? Нет? Это надо видеть!

– Куда они ушли? – спросил высокий человек.

– Я не знаю, – пожал плечами хозяин. Он стоял в воротах, переступая с ноги на ногу, позевывая и часто оглядываясь. Ему было неловко из-за ножа в руке, и он прятал его за спиной.

– Давно?

– Этим вечером.

– Не знаешь, куда они могли направиться?

– Не знаю. Но с ними был третий.

– Кто?

– Никогда его раньше не видел. Босьяк. Не наш, пришлый. Может кто про него что-нибудь знает?

– Хорошо... – Ночной гость кивнул и пожелал: – Легкой судьбы.

– Легкой судьбы, – откликнулся хозяин.

Высокий человек ушел. Хозяин гостиницы запер ворота и потом долго стоял возле них, уже не зевая и не оглядываясь. Он напряженно слушал, как стучит по мостовой посох. И как разносится эхо по тесным ущельям улочек.

Спать ему не хотелось.

Глава 4

Крестьянин простился с ними возле самых предгорий. Ему надо было сворачивать направо, в родную деревню, им – идти прямо, к перевалу, о котором знал лишь Шалрой.

– Спасибо тебе, друг, – сказал Малыш, спрыгнув с телеги.

Крестьянин широко улыбнулся, кивнул:

– Удачной дороги вам.

Малыш взял лук, забросил колчан со стрелами за спину. Буйвол подхватил мешок с провизией. Шалрой, придерживая рукой шляпу, разглядывал горную цепь.

Солнце еще не взошло. Небо на востоке пламенело, у самого горизонта висели багровые облака – словно раздавленные рыбины с окровавленными брюхами. Со стороны гор тянуло свежестью, но день обещал быть жарким. Как обычно в эту пору.

Крестьянин легко хлестнул кобылу кнутом, прикрикнул:

– Пшла! – обернулся, помахал рукой остающимся попутчикам. Малыш весело крикнул ему:

– Не загони животину!

Крестьянин хохотнул, помотал головой. Потом развернулся и больше уже не оглядывался.

– Куда теперь? – спросил Буйвол у Шалроя. Пастух показал в сторону гор:

– Туда.

– Ты здесь и шел?

– Да. Но это не единственный путь в Мертвую Котловину.

– Сколько бы дорог не было, идти можно лишь по одной, – разумно заметил Малыш.

– Я хочу есть, – сказал Буйвол и уселся на пыльной обочине.

– Неплохая мысль, – хмыкнул Малыш, опускаясь рядом...

Завтрак прошел в молчании. Огонь не разводили, перекусили быстро. Буйвол выпил свое пиво и половину доли Малыша. Шалрой почти не ел – видно было, что ему кусок не лезет в горло.

Закончив трапезу, товарищи, не мешкая больше ни минуты, направились в сторону гор.

Здесь не было троп – ни человеческих, ни звериных. Только камни, лишайник и искореженные стелющиеся по земле кусты. Здесь никогда не прекращался ветер, небо казалось темней чем обычно, и близкое солнце обжигало кожу.

Они поднялись довольно высоко, но и половина пути вверх не была пройдена. Каменистая земля вздымалась все круче, все трудней было карабкаться среди скал. Из-под ног срывались булыжники, катились по склону, подпрыгивая, крутясь, сухо стуча – словно брошенные игральные кости. Чуть в стороне, возле самого солнца, ослепительно сияли вечные ледники, напоминающие наколотые гигантские куски сахара. Шалрой обещал, что на перевале снега не будет...

Ручей они слышали издалека. Холодная вода словно кипела, в воздухе искрилась водяная пыль. Пока Буйвол наполнял пустые фляжки, Шалрой и Малыш перебрались по мокрым скользким камням на другой берег, где рос шиповник. Ягоды еще не вызрели – Малыш попробовал одну и долго отплеывался.

Когда Буйвол переходил ручей, чуть было не случилась беда. Нога соскользнула с мокрого камня, и воин свалился в ледяную воду. Его тотчас подхватил бурный поток, потащил по каменистому дну – никто ничего не успел сделать. На счастье, ручей был неглубокий, и Буйвол почти сразу сумел подняться. Он даже не замочил мешок с провизией. Продрогший, синий, он кое-как выбрался на берег. Стуча зубами и пытаясь ругаться, разулся, разделся, отжал одежду,

разбросал ее по кустам, запрыгал вокруг, стараясь согреться. Шалрой, покачивая головой, считал шрамы на теле воина. Малыш посмеивался, пока не заметил, что друг слегка прихрамывает.

– Эй, с тобой все в порядке?

Буйвол слабо ругнулся:

– Конечно нет!

– Ты хромаешь.

– Лодыжку потянул немного. Ерунда. Пройдет.

– Уверен?

– Да.

– Смотри. Идти нам еще далеко.

– Знаю.

Солнце припекало, и Буйвол постепенно отогревался.

– Вода словно ледяная! – сказал он, ежась.

– С самых вершин, – заметил Шалрой. – С ледников.

– Может остановимся здесь? – предложил Малыш.

– Нет, – Буйвол мотнул головой и стал одеваться. – Надо торопиться.

– Покажи-ка ногу.

– Говорю – ерунда! – отмахнулся Буйвол. – Не стоит волноваться...

Но Малыш все же беспокоился.

Шалрой все дорогу молча размышлял. Он сомневался, что два бойца способны справиться с десятком бандитов. Но свои сомнения он держал при себе. Они войны, им, конечно, виднее. А он – всего лишь пастух из глухой деревни... Кто знает, на что способны его наемники... Наемники! Шалроя позабавила мысль, что у него теперь есть наемники. Но он даже не улыбнулся. Он ни на минуту не забывал об отце.

Меченый!

Саднило изуродованное ухо.

И еще сильнее саднило в душе – как там в родной деревне? Нашли ли тела, которые он похоронил под обломками досок и тряпьем? Догадались ли, что произошло? А может уже и нет деревни? Может бандиты побывали там, разграбили и сожгли дома, поубивали всех?

Десять вооруженных человек или даже больше. Разве справятся с ними миролюбивые крестьяне? Разве хватит у них духу ткнуть вилами в брюхо живого человека?

Шалрой вспоминал отца, парней-подпасков, и думал, что у него бы хватило.

Но мечи всегда быстрее вил, а стрелы летят дальше, чем брошенные топоры.

Но теперь у Шалроя был и меч, и лук. Его наемники шли за ним. Да, их всего двое. Мало. Но если потребуется, он сам возьмет вилы или топор, косу или лопату. Он встанет рядом с бойцами, со своими товарищами, и тогда их будет трое.

Трое против десяти.

В горах было сухо.

Днем припекало солнце. Постоянно хотелось пить, но воду приходилось экономить – ее и так оставалось немного, а очередной ручей, по словам Шалроя, будет еще нескоро. Ночами воздух сильно охлаждался. Костер развести было не из чего – кругом лишь камни – и чтоб хоть чуть согреться, товарищи жались друг к другу. Спали они часа по четыре – укладывались, когда становилось темно, поднимались, как только небо начинало сереть.

Они спешили.

Буйвол по-прежнему прихрамывал, и Малыш с тревогой посматривал на товарища.

Шалрой уверенно вел их.

Они проходили по острым краям пропастей, и над их головами кружились грифы, ожидая, не сорвется ли кто-нибудь в бездну. Порой они ползли вверх по узким расселинам, где среди камней прятались ядовитые пауки и змеи. На вершинах отвесных скал, держась на безопасном удалении, наблюдали за неуклюжими людьми круторогие горные бараны. Случалось, что сверху вдруг сыпались камни, и путники замирали, вжимались в скалу, прикрывали руками головы... Однажды они встретили барса – огромную серую кошку с длинным хвостом, похожим на дубинку. Другой раз на них вышел медведь. Хищники уступали дорогу людям. А люди были готовы уступить дорогу им...

На третий день пути они увидели Мертвую Котловину.

– Родные места, – сказал Шалрой, остановившись на маленькой площадке, по правую сторону которой разверзла пасть широкая трещина, а с левой стороны возносилась к небу отвесная стена.

Малыш и Буйвол осторожно выглянули из-за плеча проводника и у них перехватило дыхание.

Гор впереди больше не было. Была головокружительная пропасть, и серая равнина невообразимо далеко внизу, плывущая в мареве горячего воздуха.

– Мы не можем здесь спуститься, – озвучил Буйвол очевидное и отступил на шаг.

– Конечно, – согласился Шалрой.

– Тогда куда? Назад?

– Нет. В пещеру.

– Куда? – Буйвол огляделся и только сейчас заметил в скале слева узкую черную дыру, похожую на выгнившее дупло. – Туда?

– Да.

– Я не протиснусь.

– Она только кажется тесной, – сказал Шалрой. – Это потому что все остальное здесь выглядит большим.

– Величественным, – уточнил Малыш и восторженно добавил: – Дух захватывает!..

Действительно, Буйвол без особого труда протиснулся в пещеру вслед за Шалроем и Малышом. Внутри было сумрачно. Застоявшийся воздух сильно отдавал гнилью. Под ногами было что-то скользкое – не то плесень, не то помет летучих мышей или каких-нибудь других пещерных гадю.

– Здесь безопасно? – спросил Буйвол, осторожно ощупывая руками пространство вокруг. Стены тоже были покрыты какой-то гадостью.

– Да. Но здесь нельзя спать.

– Почему? – спросил Малыш.

– Плохие сны. Очень плохие сны. Люди видят их и потом заболевают.

Буйвол хмыкнул, вытер руки об одежду, пальцами легко коснулся рукояти меча.

Они стояли, выжидая, пока глаза привыкнут к сумраку пещеры. Потом двинулись дальше. Вниз.

Видимо, этот ход когда-то давным-давно прорубила в скальных породах вода. Стены были гладкие, пещера круто шла под уклон, и удержаться на ногах порой было очень трудно. Приходилось цепляться за малейшие выступы на низком потолке, упираться изо всех сил, прижиматься спиной к скользкой стене... Товарищи шли почти вслепую. Правда иногда в стенах попадались узкие трещины, сквозь которые в кишку подземного хода сочился свет и свежий воздух. В таких местах они ненадолго останавливались, переводили дыхание. Они не боялись заблудиться – пока никаких ответвлений не встречалось. Шалрой говорил, что это единственный путь, сбиться с него невозможно, и Малыш и Буйвол ему охотно верили. Конечно, существовали другие опасности – можно было встретить какого-нибудь пещерного хищника, наступить на змею или ядовитую многоножку. Наверное, можно было задохнуться – люди тяжело

дышали, воздуха не хватало. Но босой Шалрой шел уверенно, бодро постукивая посохом, ошупывая им путь перед собой...

Вскоре под ногами зажурчала, заплескалась вода.

– Ее можно пить, – сказал Шалрой.

Буйвол наклонился, зачерпнул воду ладонью, понюхал, смочил губы... Вроде бы, ничего.

– Дальше будет больше, – предупредил проводник.

Действительно, через какое-то время воды стало по щиколотку. Она была ледяная – у людей почти сразу онемели ноги.

Шалрой вдруг остановился. Малыш налетел на спину проводника, на него самого наткнулся Буйвол.

– Что? – одновременно спросили бойцы.

– Последний участок, – объявил Шалрой. – Делайте как я.

– Это как? – Малыш протянул руку, нашел плечо Шалроя. – Ничего же не видно.

– Садитесь на землю. Лучше лечь. Оружие возьмите в руки. Держите крепче. И ползите ногами вперед.

– В воду? – возмущенно спросил Буйвол.

– Да. Ползите вперед и берегите голову.

– Зачем?

– Это последний участок, – казалось, что Шалрой улыбается.

– Нуу... – протянул Буйвол.

– Садитесь! – Нет, Шалрой не улыбался. Он был серьезен.

– Как скажешь, – Малыш сел в обжигающе холодную воду. – Долго нам так ползти? Я боюсь замерзнуть.

Шалрой не ответил.

– Эй! – Малыш вытянул ноги, попытался нащупать ими проводника. Впереди было пусто. – Уже уполз? Эй! Ты где?.. Его нет! – Малыш обернулся к Буйволу. Ничего не было видно, но отчетливо слышалось тяжелое дыхание друга.

– Тогда идем за ним.

И они поползли. В ледяной воде. Ногами вперед.

И вдруг земля ушла из под ног.

– Эх! – только и успел крикнуть Малыш.

Гладкое дно пещеры словно провалилось. Опрокинувшись на спины, друзья заскользили вниз, под крутой уклон. Встать было невозможно, и не за что было уцепиться, чтобы затормозить бешеное скольжение.

«...берегите голову!..»

Они стремительно неслись во тьме, в узкой каменной кишке. Ледяные брызги жалили кожу, упругий воздух забивал легкие. Они не могли кричать, не могли остановиться. Они ничего не могли сделать. И друзья лишь прижимали крепче оружие, и втягивали головы в плечи. На спине холодного потока они неслись в неизвестность, и не в их силах было что-то изменить.

Свет резанул по глазам.

Они вывалились из черной дыры, плюхнулись в крохотное озерцо, подняв фонтаны брызг. Буйвол упал на Малыша, и тот, охнув, с головой ушел под воду. И тотчас вынырнул, откашливаясь, отплевываясь, неразборчиво ругаясь.

Озерцо было неглубокое, по грудь, но друзья долго бестолково барахтались в воде, прежде чем поняли это.

Шалрой стоял на берегу и смотрел на них.

– Ты! – крикнул Буйвол, ткнув пальцем в сторону проводника. – Ты нас чуть не угробил!

- Все в порядке, – спокойно сказал Шалрой. – Это проверенный путь.
- Мог бы предупредить! – Малыш, держа над головой лук, брел к берегу.
- Вы бы, наверное, не пошли.

– Ни за что! – разъяренный Буйвол выползал из воды. Шалрой на всякий случай отступил на пару шагов. – Никогда больше!

Они находились в просторной пещере. Сквозь многочисленные трещины на потолке и стенах вливались внутрь потоки света. Поверхность озерца весело играла бликами, радужно искрилась водяная пыль.

– Этот источник никогда не высыхает, – сказал Шалрой. – Отсюда до дома ровно два дня пути.

Они выбрались наружу, разделись, расстелили одежду на горячих камнях.

– Никогда так больше не делай! – сказал Буйвол. Он был весь синий от холода, только многочисленные шрамы белели на коже.

– Вымокла тетива, – Малыш горестно качал головой. – И стрелы вымокли.

– Это самый короткий путь сюда, в котловину, – сказал Шалрой, словно извиняясь. – Если бы мы пошли другой дорогой, потеряли бы лишних два дня.

– Ты должен был нас предупредить! – сказал Малыш. Он вывалил стрелы из колчана, разобрал их, пересчитал, стал аккуратно поправлять оперение каждой и выкладывать на солнцепек.

– И это самый безопасный путь, – сказал Шалрой, помолчав.

– Я думал, что рухнул в пропасть, – буркнул Буйвол, вытягивая из ножен меч и внимательно осматривая клинок.

– Ничего себе – «безопасный»! – Малыш, навалившись всем телом на лук, согнул его и снял тетиву. – Я гадал, что случится скорей – оторвет мне голову или переломает ребра.

– Там гладкие стены. Ни малейшего выступа. Можно, конечно, свезти кожу, или синяк посадить, но убиться – нет.

– А как мы пойдем обратно? – подозрительно спросил Буйвол.

– Обратно есть другой путь.

– Не такой как этот? – Буйвол лег голым животом на горячие камни, подставил мощную спину солнцу.

– Нет.

– Еще лучше? – Малыш хмыкнул – Еще веселей?

– Он дольше, – серьезно сказал Шалрой. – И тяжелей. Здесь мы спустились, не тратя сил. Там надо будет самим подниматься.

– Уж лучше подниматься самим, – пробурчал Буйвол, почесывая переносицу. – Чем вот так вот... Вслепую... Ничего не понимая...

– Как глисты в кишке! – хохотнул Малыш. Буйвол перевернулся на спину, приподнялся на локтях, исподлобья глянул в сторону друга – заметно было, что такое сравнение ему не понравилось.

Когда просохла одежда и вещи, путники стали собираться. Пока Малыш натягивал тетиву и складывал в колчан стрелы, Буйвол вернулся в пещеру и набрал свежей воды во фляжки. Шалрой, ожидая, когда наемники будут готовы, отошел в сторону. Он стоял неподвижно, смешной и нелепый из-за своей бесформенной шляпы на макушке, и с тоской смотрел куда-то вдаль.

Солнце клонилось к закату.

Еды не осталось. А идти предстояло целых два дня.

Встретит ли их хоть кто-нибудь?

Буйвол заметно хромал. И это беспокоило Малыша.

– Ты в порядке? – в очередной раз спросил он. Буйвол не ответил. Ему надоел этот вопрос.

Горы остались позади. Скалистые хребты тянулись справа и слева. Далеко впереди парили над горизонтом вечные ледники неприступных вершин, колыхались в дымке раскаленного воздуха, словно миражи.

Мертвая Котловина была окружена горной цепью.

– Как вы здесь живете? – пробормотал Буйвол, утирая со лба пот.

Солнце только начало подниматься к зениту, а жара стояла невыносимая.

– Мы привыкли, – отозвался Шалрой.

– Ни одного лесочка, – сказал Малыш.

– Почему же? Есть. – Шалрой махнул рукой на север. – Там. Около гор. Настоящие леса.

– А реки здесь есть?

– Ручьи. Но летом они обычно пересыхают. А нынче даже в колодцах вода кончилась.

– Сушь, – сказал Буйвол.

– Мы привыкли, – повторил пастух.

Горячий ветер гнал пыль по земле, закручивал вихри. Неровный шар перекасти-поля, подпрыгивая, прокатился перед людьми и застрял в кусте высохшего чертополоха.

– А где тебя подстрелили? – спросил Малыш. – Покажешь нам это место?

– Оно в стороне. Не хочу делать крюк.

– Торопишься?

– Да.

Шалрою было страшно. И по мере приближения к родным местам тревога его росла. Дурные предчувствия одолевали пастуха.

– Большая ли деревня у вас? – спросил Малыш.

– Больше двадцати дворов. И стадо большое было.

– А людей сколько?

– Сколько скотины, столько и людей.

– Жарко! – выдохнул Буйвол, из-под руки глянув на белое солнце.

– Мы привыкли...

Буйвол хромал. Малыш с тревогой поглядывал на друга.

– Ты в порядке? – не выдержав, вновь спросил он.

Буйвол промолчал. Потом вдруг улыбнулся широко и ответил:

– Я привык.

За день они дважды делали короткие привалы.

Первый раз отдохнули в тени безлистной акации на берегу безводного ручья. Грязь на пересохшем дне растрескалась, расслоилась тонкими пластинками. Когда уже собрались уходить, Малыш без всякой цели перебежал на другой берег и вернулся – листики высохшей грязи хрустели под ногами, словно льдинки ломались.

Второй раз отдыхали под открытым небом. Покрасневшее солнце уже опускалось к горам, было не так жарко. Воды оставалось совсем немного, потому решили идти ночью. Малыш и Буйвол дремали, Шалрою не спалось – тревожные мысли не давали. Когда стемнело, пастух разбудил наемников, и они тронулись дальше.

Шли всю ночь. Утром, ненадолго остановившись, допили воду.

– Теперь совсем рядом, – сказал Шалрой, и сердце его заколотилось сильнее. – Совсем рядом... – негромко повторил он.

Выгоревшая степь выглядела точно так же, что и час назад, день назад. Непонятно было, как ориентируется здесь пастух, но Малыш и Буйвол уточнять не стали. Родные места знаешь сердцем.

Из-за гор поднималось алое солнце, опухшее, неровное, словно бы помятое. Воздух был неподвижен. В сухой траве неуверенно стрекотали цикады, затихая, когда рядом проходили люди.

– Благодать, – сказал Малыш.

Буйвол выразительно хмыкнул и почесал переносицу.

Воды не было. А поднимающееся солнце снова наливалось жаром.

Деревню было видно издалека – небольшие дома с низкими покатыми крышами, лабиринты изгородей на огородах, несколько высоких деревьев с побуревшими редкими кронами. Шалрой не отрываясь смотрел вперед, он надеялся разглядеть там хоть какое-то движение, какой-нибудь признак, что деревня жива. Пока он ничего не видел. И невольно ускорял шаг.

– погоди, – окрикнул пастуха прихрамывающий Буйвол. – Не гони.

Шалрой остановился, обернулся.

– Я не был дома почти две декады, – голос его чуть дрожал. – Может там... Может там уже никого нет?

– Если там никого нет, тогда тем более незачем спешить, – заметил Буйвол.

– Будем осмотрительны, – сказал Малыш.

– Да, – Шалрой кивнул. – Хорошо. Я понимаю.

Дальше они шли не торопясь. Плечом к плечу. Молча. Вглядываясь в далекую деревню. Малыш больше не улыбался. Лицо его закаменело. Глаза превратились в узкие щелочки.

– Видишь что-нибудь? – спросил Буйвол.

– Куры, – ответил лучник.

До первых огородов было никак не меньше двух километров. Полчаса ходу.

– Человек... – негромко сказал Малыш и, помолчав какое-то время, уточнил: – Женщина.

Через десять минут Буйвол подтвердил:

– Вижу.

– Это Риша, – неуверенно сказал Шалрой. – Кажется, это она.

Малыш остановился.

– Что? – насторожился Буйвол.

– Не знаю... Собак не видно... У вас же есть собаки?

– Да, – ответил Шалрой. – Как же без них.

– Собак не вижу. И не слышу... Подождем...

– Подождем, – согласился Буйвол.

Шалрой спорить не стал. Он вдруг вспомнил чужака – вора и убийцу, – его кривую ухмылку, прищур глаз. И его слова: «...потом я начну искать тебя, меченый...»

Они стояли долго. Солнце пекло им головы, жарило плечи, но они не замечали этого. Им хотелось есть и пить, но они об этом забыли. Они пристально следили за деревней.

Какая-то женщина вышла из крайнего дома, направилась на дальнюю сторону селения, скрылась из вида. Поднимая пыль, распугивая кур, в сторону огородов пробежали два мальчика. Открылось окно, кто-то выглянул на улицу. В тени дерева уселся старик...

– Вроде бы все спокойно, – наконец сказал Малыш. – Только вот собак не видать.

– Ну так что? – спросил Буйвол. – Идем?

– Пошли.

Никто не вышел их встречать. Напротив, люди, которые были на улице, завидя приближающихся чужаков, попрятались в домах. Только старик, что сидел, прислонившись к стволу сохнувшего тополя, не двинулся с места.

– Неужели это ты, Шалрой? – проскрежетал он, когда его еще никто не мог слышать. – А мы-то думали, что больше никогда тебя не увидим...

Путники шли мимо домов по пыльной дороге, которую следовало назвать тропой. Малыш озирался. Буйвол смотрел прямо. Шалрой хмурился. Он чувствовал, что что-то изменилось. Собак действительно не было. Что это должно означать? Неужели?..

– Они были здесь?

Старик, что сидел под деревом, тяжело поднялся, вышел на дорогу, обнял Шалроя, отстранился, сказал негромко, качая головой:

– Твой отец...

– Я знаю. И Харим. И Рахель.

– Мы нашли их. Но тебя там не было.

– Я выжил.

– Те люди... Они были здесь.

– Были? Когда?

– Семь дней назад. Пришли и перестреляли всех собак. Сильно избили Наерха и Тарума. Убили Руата, он заступился за свою жену. Они издевались над ней.

Шалрой побледнел.

– Айхия! Что с ней?

– Она спряталась. И прячется сейчас.

– Где? Где она?

– Дома.

– С ней все в порядке?

– Да... Все в порядке. С ней... Но не с нами... Не с нами... Так что нам теперь делать, Шалрой?

– Я не знаю... Но может быть знают они, – Шалрой мотнул головой в сторону Малыша и Буйвола, молчаливо ждущих, когда на них обратят внимание.

– Они? – Старик посмотрел на чужаков, словно только что их заметил. – Кто это?

– Они помогут нам.

– Ты нанял воинов?

– Да.

– Зачем? Чтобы отомстить?

– Нет. Не только. Чтобы вернуть стадо.

– Вернуть стадо... – задумчиво повторил старик. Помолчал. Посмотрел на небо. И сказал:

– Тогда пойдемте. Поговорим.

Старика звали Халтет. Был он худ и беззуб. Босые ноги его обросли коростой. Желто-черные ногти выпирали словно крошащиеся камни. Его крючковатый нос был сворочен набок. Угол иссохшего рта подрагивал. Заскорузлые пальцы постоянно искали что-то в серой спутанной бороде.

Старик был безобразен.

Но дома у него было чисто.

На окнах висели льняные занавески, кровати были аккуратно убраны, на столе – скатерть, на полу – многоцветные тряпичные дорожки, на стенах – широкие доски с затейливой резьбой и соломенные циновки.

Халтет был старостой деревни. И все деревня следила за порядком в его доме...

Старик принимал гостей. Все сидели за накрытым столом, пили травяной настой, хорошо утоляющий жажду, ели холодную кашу из пророщенных пшеничных зерен. Меч Буйвола и лук Малыша остались у порога, как того требовали приличия, вместе с пропыленной обувью. Без оружия гости чувствовали себя как-то неуверенно. Тем более что они знали – враг близок.

Халтет рассказал им, как, поджав хвосты, прибежали в деревню овчарки. Как встревожившись долгим отсутствием Мирха, отца Шалроя, пятеро селян отправились к пастухам. Как они издалека заметили пирующих стервятников, как нашли три тела, похороненные под обломками досок, и чужие боевые стрелы. Забрав убитых, они вернулись в деревню с плохими новостями. А вскоре пришли чужаки. Их было много, человек пятнадцать. Их предводитель ехал верхом на лошади, что когда-то принадлежала Мирху. Он громко смеялся, а в глазах у него была злоба. Чужаки гоняли кур и людей. Они искали человека с отстреленным ухом. Они забирали хлеб и овощи. Они забрали последних лошадей. А потом ушли к горам, пообещав вернуться. И они возвращались. Трижды. Приходили небольшими отрядами по пять-шесть человек. И снова спрашивали про человека с отстреленным ухом. Снова требовали еды.

– Откуда они приходили? – спросил Буйвол. – С какой стороны?

– С востока.

– Сколько верховых? – поинтересовался Малыш.

– У них три лошади. Наши лошади.

– Чем вооружены? – спросил Буйвол.

– Мечи и луки. Ножи и дубины.

– Когда они были в последний раз?

– Три дня назад. Мы напуганы. Мы стараемся не выходить из домов.

– Они опять придут, – уверенно сказал Малыш. – Скоро.

Буйвол кивнул:

– Пять или шесть человек. Половина банды.

– Но вас только двое, – сказал старик. – Что вы собираетесь делать?

– Ничего, – хмыкнул Буйвол.

– Ничего?

– Ничего особенного, – сказал Малыш. – Когда они появятся, мы их просто убьем.

Халтет долго качал головой.

– Плохо... – бормотал старик. – Плохо... Земля не родит, вода ушла, солнце печет...

Кровь не напоит почву... Будет только хуже...

– Вы хотите получить назад свое стадо? – Буйвол нахмурился.

– Да, – сказал Шалрой.

– Мы вернем его вам...

Они сидели еще долго. Пили настой и ели кашу. Малыш и Буйвол невольно косились на порог, на свое оружие. Шалрой несколько раз рассказывал о нападении, о том, что он увидел, очнувшись, и как отправился в большой мир, за горный хребет, как смеялись над ним воины, к которым он обращался за помощью. Халтет кивал, вздыхал, тер слезящиеся глаза.

– Без скотины зиму мы не переживем, – говорил Шалрой.

– Не переживем, – соглашался Халтет.

– А уйти из деревни никто не захочет.

– Не захочет никто...

Когда кончилась каша, кончились и разговоры. Поблагодарив хозяина, подобрав оружие, обувшись, Малыш и Буйвол вышли на улицу. Их сопровождали Халтет и Шалрой.

На дороге молча стояли собравшиеся селяне. Они смотрели на двух воинов, на пастуха и старосту. Они понимали, что привычная спокойная жизнь закончилась.

Большой мир пришел в Мертвую Котловину.

Глава 5

Они поселились у Шалроя.

Дом пастуха стоял на восточной окраине деревни. Сразу за ним начиналась выгоревшая ровная степь и тянулась она до самых предгорий. Лишь одно крохотное оконце в пустой прихожей выходило на восточную сторону. И днем воины поочередно дежурили возле него, сидя на шатком табурете и обозревая скучный ландшафт. На улицу они старались не выходить.

Малышу и Буйволу отдали небольшую комнатку, тесную, но чистую и светлую. Мебели было немного – грубо сколоченный стол, разошедшийся неустойчивый стул, широкая лавка, на которой спал Малыш и прочная жесткая кровать, которую занял Буйвол.

Шалрой жил с племянницей, ее звали Айхия. Других родственников у пастуха не осталось.

Ели два раза в день, в большой комнате, все вместе. Пища была скромная, но никто не жаловался, все понимали – настали трудные времена и неизвестно еще, что будет потом. Так что продукты необходимо беречь. На черный день. На самый черный...

Частенько наведывался Халтет, иногда приводил с собой кого-нибудь из селян. Разговаривали больше о своем, крестьянском. Но не только. Осторожно высказывались – а вдруг ушли нехорошие люди? Может они и не вернутся больше? И сами говорили – вернутся. Придут. Если не сегодня, значит, завтра. Не завтра, так послезавтра... Негромко рассказывали новости – вроде бы меж собой говорили, но на самом деле сообщали для присутствующих воинов – рано утром мальчишки бегали к пересохшей старице, видели там следы копыт. Риша ходила к старому колодцу, вода в нем еще чистая, и далеко-далеко видела пыльную тучу. Уж не коров ли перегоняли? А Фарук ночью зачем-то влез на дерево и с высоты разглядел костры. Там, на востоке...

Малыш и Буйвол переглядывались. Оба думали об одном и том же – может нет смысла дожидаться врага здесь? Не пора ли направиться на восток, к лагерю Чета Весельчака?

– Они придут, – говорил Халтет. – Совсем скоро.

И все соглашались со стариком.

Все чувствовали – Чет должен прийти.

Обязательно...

Айхия, племянница Шалроя, постоянно была чем-то занята – то она сосредоточенно процеживала через тряпицу грязную воду, то тщательно вытирала в доме пыль, то растапливала на улице земляную печь, собираясь готовить лепешки из остатков муки. Ей некогда было отдыхать – она накрывала на стол, кормила кур, бегала на колодец, выбивала матрацы, протрясала постельное белье, точила ножи... Ее босые пятки мелькали словно солнечные зайчики. Она была повсюду, но нигде не задерживалась надолго.

Ей было девятнадцать лет. Давно бы пора уже выйти замуж, тем более, что и женихи находились, но Шалрой не хотел отпускать от себя племянницу. И дело было совсем не в том, что Айхия вела всё хозяйство. Нет. Просто он любил ее, как родную дочь. А еще ему было страшно вдруг остаться одному в осиротевшем доме. Так что женихи, те, что потерпеливей, ждали.

Айхия же и не помышляла о замужестве. Она во всем слушалась дядю, и любила его как родного отца.

Черноволосая, смуглая, улыбчивая, крепкая и ладная – она обращала на себя внимание, но тут же ускользала, не давая как следует себя рассмотреть...

– Айхия! – окликнул Буйвол пробегающую мимо девушку. Она тотчас встала, повернула голову, улыбнулась.

– Принеси мне попить, пожалуйста. – Буйвол хмурился, отчего-то смущаясь своей вежливости.

– Сейчас, – девушка убежала, а воин снова устался в маленькое окошко, наблюдая за безжизненной степью. Там ветер крутил пыльные вихри, и, прыгая, катились к предгорьям шары перекасти-поля.

Малыш где-то на улице. Должно быть снова занимается своим луком, смазывает тетиву жиром – ей нельзя сохнуть, в который раз сортирует стрелы, ровняет оперение, оттачивает наконечники. Шалрой рано утром куда-то ушел, не сказав ни слова гостям. Наверное, Айхия знает, куда он направился. Да и важно ли это?

Айхия вернулась, принесла ковш с водой. Буйвол повернулся к девушке, залюбовался.

Важно!

– Спасибо, – поблагодарил он, выпив мутную воду, и снова смутился, нахмурился. – А куда Шалрой ушел?

– Они с Хенимом и Фаруком пошли на старый колодец. Там вода свежая, вкусная.

– Это далеко?

– К обеду должны воротиться.

– Понятно... – Буйвол не знал, что еще сказать. И нахмурился еще сильнее.

Девушка улыбнулась, выхватила из рук воина опустевший ковш, скользнула в открытую дверь.

– Айхия! – крикнул Буйвол. Она замерла, оглянулась:

– Что?

– Нет... Ничего... Просто... Я не напился...

Девушка рассмеялась:

– Подожди немного, скоро вкусную воду принесут.

Она скрылась в дверном проеме, продолжая смеяться. И Буйвол вдруг заметил, что слушает ее смех, затаив дыхание. И рассердился на себя. Он стиснул зубы, потер нос, фыркнул, мотнул головой.

За окном горячий ветер гнал по степи пыль.

Где-то там был враг.

Обреченная деревня жила в постоянном страхе, ожидая нападения.

А совсем рядом, за стеной, беззаботно смеялась красивая девушка.

И Буйвол не видел в этом никакого несоответствия.

– Не кажется ли тебе, что надо как-то поднять дух у крестьян? – спросил Малыш сразу после позднего обеда, который по обыкновению был совмещен с ужином.

– Что? – не понял Буйвол.

– Они тут все словно дыхание затаили. Попрятались. Носа из дома не высунут. Скучно же.

– И что?

– Может потренируемся сегодня?

– Посреди деревни?

– Ага. Прямо на дороге.

– У всех на виду? – рассеянно уточнил Буйвол и подумал об Айхии.

– Ну да.

– Мы же собирались быть незаметными.

– Ну, мало ли что мы собирались...

Они сидели в своей комнатухе. Малыш должен был заступить на скучный пост возле маленького окошка, а Буйвол собирался немного поспать.

– И когда?

– Да прямо сейчас! – Малыш взял на руки колчан, провел ладонью по оперению стрел. – Идем?

Буйвол колебался. Он не выспался этой ночью, его мучил один и тот же неприятный сон – в голове звучал чей-то голос, и серая тень ходила кругами во мраке. Он просыпался, и не мог понять, кончился ли сон. Казалось, что отзвуки голоса все еще слышатся. И тьма вокруг колыхалась словно живая.

– Пошли, пошли! Хватит лодырничать! – Малыш ухватил друга за рукав, легонько потянул за собой. – Пора размяться, кровь разогнать!

Буйвол зевнул.

– Может завтра?

– Нет, сегодня! Сейчас!

– Тебе просто не хочется сидеть у окна.

– А тебе не хочется оторвать свою задницу от кровати! Совсем обленился!

– Ладно! – вдруг рявкнул Буйвол, делая вид, что разъярился. – Хорошо! Я иду! – Он, хлопнув себя по бедрам, поднялся рывком, повел могучими плечами.

– Повеселим народ! – Малыш подхватил лук, забросил колчан за спину, хрустнул пальцами, сцепив их в замок. – Ну-ка, растревожим это болото, друг!

– Сегодня я буду быстрее тебя!

– Никогда!

– Посмотрим!

Они расшумелись, их громкие голоса были слышны во всем доме, хотя комнатная дверь была закрыта. Постороннему человеку показалось бы, что бойцы ссорятся. Но они всего лишь весело подначивали друг друга.

– На тебе слишком много мяса!

– Да я придавлю тебя одним пальцем!

– Не успеешь!

– Посмотрим!

– У тебя никогда не получалось опередить меня!

– Просто твои правила нечестны!

– И никогда не получится!

– Сейчас проверим!

– Один на один!

– Лицом к лицу!

– Как обычно!

В дверь осторожно постучали.

– Мы выходим! – крикнул Малыш.

В комнату заглянул встревоженный Шалрой. Скользнул взглядом по лицам гостей, понял, что они ссорятся не всерьез, улыбнулся им неуверенно и исчез, прикрыв дверь. Направился на кухню успокаивать племянницу.

Малыш и Буйвол, не прекращая перепалку, толкаясь, вышли из комнаты. В прихожей они дружно посмотрели налево – на кривой табурет возле окна, где сейчас должен был сидеть Малыш. На шум выглянула Айхия, они улыбнулись ей, она улыбнулась в ответ и тут же спряталась за дверь.

– Хватит болтать! – Буйвол сгреб Малыша и поволок на улицу. – Тебе не надо было меня злить!

– Пусти! – Малыш пытался вырваться из его лап, но Буйвол держал крепко и отпустил друга лишь когда они оказались на дороге. Посреди деревни. У всех на виду.

Отдуваясь, искоса поглядывая друг на друга, бойцы разошлись. Сбросили оружие на пыльную траву. Стали разминаться. Малыш крутил руками, словно ветряная мельница кры-

льями, раскачивался из стороны в сторону, прогибался, скручивался, приседал, подпрыгивал. Буйвол аккуратно мят мышцы сильными пальцами, словно вылепливал себя из глины.

Вышли из дома Шалрой и Айхия, присели в тени, стали с интересом следить за гостями. А воины косились в их сторону. И Малыш все быстрее размахивал руками – воздух гудел от его движений, а Буйвол, рисуясь, поигрывал мощными мышцами – словно тяжелые каменные шары перекатывались под рубахой.

Открылось окно в доме напротив, показалось старушечье лицо. Из-за сараев прибежал чумазый пацаненок, сел на обочине дороги, в двух шагах от Буйвола.

– Посторонись, парень, – сказал ему воин, и мальчишка сделал вид, что подвинулся.

Где-то громко хлопнула дверь. Скрипнуло, открываясь, еще одно окно.

Буйвол взялся за меч. Вытянул клинок из ножен, словно случайно пустил солнечный зайчик в сторону Айхии. Встал в боевую позицию, выставив правую ногу вперед, держа меч обоими руками. Медленно повел клинок, разрезая воздух. Чуть присел. Отвел меч за спину. Замер. И вдруг взорвался серией блоков и ударов – словно клубок молний опутал его фигуру. Немногочисленные зрители невольно ахнули. Буйвол сдержал улыбку.

Малыш послунывил палец, поднял над головой, пробуя ветер. Потом достал из колчана стрелу, покатав ее в ладонях, проверяя балансировку, дунул на оперение. Наложил на тетиву, нацелился в небо. Свистнув, стрела легко скользнула ввысь и растворилась в блеклой синеве. Малыш, прищурясь, долго смотрел ей вслед. Селяне, задрав головы, раскрыв рты, так же смотрели в небо, гадая, что будет дальше... И вот стрела вновь показалась – темный стремительный росчерк. Тотчас щелкнула тетива, и вторая стрела, неуловимо быстрым движением выхваченная из колчана, ушла к возвращающейся первой. Они столкнулись и переломились, упали в седую крону тополя, застряли там. Мальчуган, что сидел на обочине, сорвался с места, побежал к дереву, намереваясь лезть за стрелами, запутавшимися в ветвях. Настоящими, боевыми стрелами! Пусть и поломанными... Но его опередили другие пацанята – двое уже взобрались на самую нижнюю ветвь и, подбадривая друг друга окриками, лезли дальше.

– Что происходит? – старый Халтет ковылял от своего дома, шаркая босыми ногами, поднимая пыль.

– Нам надо размяться! – крикнул ему Малыш.

Буйвол бешено вращал меч над головой. Пел рассекаемый воздух.

Малыш жонглировал стрелами – выдергивал из колчана, бросал на тетиву, стрелял вверх, сначала невысоко, потом все выше и выше, подхватывая падающие стрелы, снова выпуская их в воздух, и успевая выхватывать из колчана новые. Четыре стрелы кувыркались в небе... Пять... Шесть...

Буйвол перехватил меч.

Малыш упустил одну стрелу – порыв ветра отнес ее слишком далеко в сторону, и лучник не смог ее поймать. Но она не долетела до земли – Буйвол перерубил ее мечом.

– Не порти мои стрелы! – крикнул товарищу Малыш. – Их и так немного.

– Ты чуть меня не подстрелил! – рявкнул запыхавшийся Буйвол.

– Ну так что? Проверим друг друга на скорость?

– Давай!

Буйвол очертил клинком в воздухе замысловатую фигуру, точным движением вогнал меч в ножны, остановился, огляделся.

Народу прибыло.

Селяне близко не подходили, они стояли возле своих домов небольшими группами, глазели, переговаривались. Шалрой разговаривал с кем-то незнакомым, часто кивал, улыбался. Айхия сидела рядом с дядей, в разговоре участия не принимала, но тоже кивала, и так же улыбалась. Халтет обходил людей, что-то негромко втолковывал им, показывая на бойцов. А пацаны уже сняли с тополя сломанные стрелы и теперь рвали их из рук друг у друга.

– Начнем?

– Начнем!

Малыш достал из колчана все стрелы, кроме одной. Сегодня утром он отбраковал ее, снял с нее наконечник и, чтоб отличать от других, перевернул оперением вниз. Теперь же он вернул ее в нормальное положение, а остальные стрелы сложил на обочине дороги. Состроив страшную мину, погрозил пацанам, предупредил – эти не трогайте!

Буйвол массировал запястья и исподлобья следил за приготовлениями товарища.

Малыш поправил колчан с единственной стрелой, опустил его низко, к самому бедру, под правую руку. Похлопал по нему ладонью. Кивнул удовлетворенно.

Буйвол чуть расставил ноги, воткнул мыски сапог в землю, укрепился. Коснулся пальцами рукояти меча, ухмыльнулся.

Они стояли в четырех шагах друг от друга. Слишком близко для стрельбы из лука, слишком далеко для удара мечом. Условия для обоих были одинаково неудобны. Выиграть состязание должен был самый быстрый.

Раньше всегда побеждал Малыш.

– Я готов, – объявил Буйвол, разведя руки в стороны.

Малыш взял в левую руку лук, опустил его, кивнул:

– Я тоже...

Селяне прекратили все разговоры. Они, не понимая толком, что сейчас происходит на дороге, с любопытством разглядывали застывших воинов.

Состязание началось.

Малыш и Буйвол пристально следили друг за другом. Кто первым схватится за оружие? Левая рука Буйвола замерла возле рукояти меча. Правая рука Малыша зависла над единственной стрелой в колчане. Лица бойцов закаменели, только прищуренные глаза жили.

Невесть откуда взявшееся посреди деревни перекасти-поле ткнулось в ногу Буйволу, но боец этого не заметил.

Ветер дунул пылью в лицо Малышу, но стрелок не моргнул.

Четыре шага.

Если мечник нападает первым, он открывается.

Если первым атакует лучник – противник клинком может отбить стрелу или просто уклониться, и тогда вторую уже не достать.

Четыре шага – та самая дистанция, когда преимущества нет ни у одного, ни у другого.

Буйвол ждал, когда дрогнет рука Малыша. В этот самый момент он выхватит меч, держа его обратным хватом, острием вниз, коротким взмахом собьет стрелу, скользнет к лучнику... И на этот раз окажется быстрее.

Малыш знал, чего ждет Буйвол. Не в первый раз они играли в эту игру. Единственный шанс мечника – сбить стрелу в полете. Впрочем, он может попробовать и другую тактику – стремительный бросок вперед, качнувшись чуть в сторону, уходя с линии выстрела и одновременно выхватывая меч из ножен стремительным отточенным движением.

Но их разделяют четыре шага.

Выхватить стрелу, бросить на тетиву – нужно ничтожное мгновение.

Рвануть меч из ножен – необходим лишь миг...

Они ждали.

Руки у обоих уже затекли, онемели.

Малыш чуть шевельнул указательным пальцем.

Буйвол слегка повернул ладонь.

И вдруг...

Крестьяне ничего не поняли – они увидели лишь, как оба воина ожили, как дернулись их руки, сверкнула сталь, хлопнула тетива, взметнулась из-под ног пыль.

– Проклятье! – рявкнул Буйвол, грудью наткнувшись на стрелу.

Малыш, отскочивший в сторону, залился хохотом.

– Это жульничество! – Буйвол с лязгом вогнал меч в ножны. – Четыре шага – слишком много!

– Ты знаешь, что тут все честно.

– Нет! Нечестно!

– Ладно тебе! Может быть ты и опередишь меня когда-нибудь. Скажем, если у меня будет понос или я не посплю пару ночей.

– Как-нибудь мы повторим!

– Обязательно! – Малыш подошел к набычившемуся товарищу, похлопал его по плечу. – Не хмурься, друг! Признай очевидное – я двигаюсь быстрее тебя.

Буйвол фыркнул, почесал переносицу. Повторил:

– Четыре шага – это слишком много.

– Я быстрее тебя, да?

Буйвол долго смотрел куда-то в сторону. Потом нехотя признал:

– Да... Зато ты дохляк!

Малыш ослепительно улыбнулся:

– Ну, бороться в рукопашную с тобой я ни за что не буду.

Буйвол хмыкнул:

– А может как-нибудь попробуем?

– Разве только при одном условии.

– Каком?

– Я свяжу тебе руки за спиной.

Они рассмеялись вместе.

Зрители зашевелились, поняв, что представление закончилось, заговорили вразнобой, обмениваясь впечатлениями. Мальчишки, крича, побежали к огородам – все никак не могли поделить две сломанные стрелы. Шалрой поднялся, направился к Халтету. Какой-то парень тут же подсел к улыбчивой Айхии, стал что-то живо рассказывать. Компания помятых мужичков направилась в жидкую тень тополя. Пожилая женщина прикрикнула на расфуфыренного чужого петуха, отогнала от своих кур. Где-то скрипнуло закрываемое окно. Хлопнула дверь.

Деревня ожила.

– Ну, кажется дух мы им подняли, – сказал Малыш, собирая стрелы.

– Что? – не расслышал Буйвол. Он, вновь привычно нахмурясь, косился в сторону Айхии и сидящего рядом с ней словоохотливого парня.

– Скуку разогнали.

– А-а... Да...

Близился вечер.

Направившись к дому вслед за Буйволом, Малыш заметил, что тот по-прежнему хромает.

– Эй! – окрикнул он товарища.

– Что?

– Как твоя нога?

– Нормально.

– Ты хромаешь.

– Снова немного потянул. Когда к тебе бросился.

– Плохо.

– Ерунда!..

Ужина, как всегда, не было. Малыш до самой темноты сидел возле сторожевого окна и смотрел, как ночь перекрашивает степь. А в маленькой гостевой комнате Буйвол, ворочаясь

на жесткой кровати, пытался заснуть. Нога болела, но он не собирался никому в этом признаться.

Глава 6

Они появились рано утром – четыре человека на двух лошадях. Въехали в деревню неспешно, уверенно, по-хозяйски, направились прямо к дому старосты. Одеты небрежно, но богато – цветные рубахи из тонкой дорогой ткани, широкие прочные пояса, брюки, подшитые кожей, шляпы, украшенные бисером, сапоги с подковками на каблуках, с металлическими мысками. Сразу видно – бандиты. За спиной у каждого – лук и колчан со стрелами. На поясе слева – меч в ножнах, справа – длинный нож.

Еще не рассвело. Обрывки ночной тьмы густыми тенями стелились по земле.

Все деревня спала.

Спешившись, привязав лошадей, бандиты разбрелись по деревне. Они словно искали что-то, вынюхивали – бродили по тропинкам, заглядывали в темные окна домов, за незапертые двери дворов и сараев. Долго вчетвером стояли на дороге, на том самом месте, где Малыш и Буйвол устроили представление, изучали следы. На обочине рядом нашли стрелу без наконечника, многозначительно переглянулись. Крадучись возвратились к дому Халтета, постучались в запертую дверь.

Староста открыл почти сразу. Высунулся сонный, полураздетый, и его тотчас схватили за грудки, выволокли на улицу.

– Где одноухий? – зашипел в лицо Халтету один из бандитов. – Где Меченый? Он вернулся?

На дворе за домом прокукарекал петух. Один из разбойников тотчас метнулся туда, заглянул за угол, убедился, что там никого нет.

– Откуда это? – бандит сунул старосте под нос стрелу без наконечника. – Кого он привел с собой? Отвечай!

Староста молчал, опустив глаза в землю. Его встряхнули, ткнули кулаком под ребра, ударили по щеке, добавили в зубы.

– Говори, где он!

Халтет пососал вспухшие губы, сплюнул алую слюну. Промолчал.

– Ясно... – прошипел бандит, отпуская старика. – Значит будем поджигать. Готовь огонь, ребята!

– Не надо, – хрипло сказал Халтет, отступая на шаг. – Не надо.

– Что? Хочешь чтобы мы тут все спалили? Нет? Тогда говори!

– Он вернулся, – староста говорил чуть слышно. – Четыре дня назад.

– Где он?

– У себя дома.

– Это который?

– Вон тот. На краю деревни.

– Не врешь?

– Нет.

– Чья это стрела?

– С ним пришли два человека.

– Кто они?

– Я не знаю.

– Что им надо?

– Не знаю.

– Они воины?

– Не знаю.

– У них есть оружие?

– Да.

– Какое?

– Лук. И меч.

– Где они?

– В том же доме.

– Это может быть ловушка, – сказал бандит, который все это время стоял в стороне, наблюдая за безлюдной дорогой.

– Если ты нас обманул, мы спалим твою деревню. В такую сушь тут все запыляется за считанные мгновения.

– Я говорю правду... – Старик вытер разбитый рот. – Они там...

– Всего двое?

Халтет вспомнил, как лучник мастерски жонглировал стрелами, а мечник выписывал замысловатые фигуры танцующим клинком, и чуть было не усмехнулся.

– Да, – сказал он, опустив голову. – Всего лишь двое. Всего лишь...

– Хорошо... – Бандит вытащил из-за пояса нож. – Ты пойдешь с нами. Постучишься в дверь, крикнешь, чтоб открыли. Если что-то будет не так, я тотчас перережу тебе глотку, как свинье. Ясно?

– Да.

Держа перед собой старика, четверка разбойников двинулась на край деревни к дому Шалроя. Шли они крадучись, озираясь, стараясь держаться стен строений, хоронясь в густой тени.

– И ни единого лишнего слова! – предупредил бандит старосту, кольнув острием ножа его в шею.

У дверей они перегруппировались. Один разбойник, взяв в руки лук, наложив на тетиву стрелу, спрятался за углом. Второй, тоже с луком наизготовку, отошел в сторону, присел на корточки, и словно бы растворился в тени, отбрасываемой покосившимся дровяным сараем.

– Стучи, – прошептал бандит с ножом, еще крепче прижимая к себе старика, еще сильнее стискивая костяную рукоять ножа. – И помни...

Халтет занес кулак, чуть помедлил – лезвие ножа врезалось в кожу, струйка густой крови защекотала шею.

– Стучи...

И староста постучал.

Жаль, что нет собак. Они бы давно перебудили бы своим брехом всю деревню...

– Стучи еще, громче...

Халтет ударил кулаком в дверь. И тотчас с той стороны послышался приглушенный голос Шалроя:

– Кто там?

– Это я, – хрипло сказал Халтет. – Тут... – Ему зажали рот, не дав договорить.

Стукнул отодвигаемый засов.

– Что случилось? – Дверь приоткрылась, зевающий Шалрой ступил на порог. Тотчас две руки рванули дверь на себя, пастуха сбили с ног, ткнули лицом в пыль, оглушили, ударив по затылку. Оттащили в сторону, в тень.

– Он? – спросил бандит с ножом.

– Он, – неохотно признал Халтет.

Другой разбойник повернул голову Шалроя, показал пальцем на изуродованное ухо, кивнул:

– Он. Меченый.

– Надо было и Весельчаку отравиться с нами.

– Он слишком любит поспать.

– Да уж. Что будем делать с Меченым?

– Убить его не можем, Весельчак разозлится.

– Но если оставим, он сбежит.

– Это проблемы Весельчака.

– Ладно. Пока бросим его здесь, он не скоро очухается, я свой удар знаю. А нам надо разобраться с теми двумя.

Бандиты посмотрели на распахнутую дверь. Проем был черен – ночь наполняла дом. И вдруг во тьме мелькнуло какое-то светлое пятно.

– Дядя... – донесся неуверенный девичий голосок. – Ты где? Что случилось?

Не дожидаясь, пока их обнаружат, бандит отшвырнул Халтета, и рывкнул:

– Вперед!

Айхия взвизгнула, метнулась вглубь дома. Две стрелы прошли тьму, где только что стояла девушка, с глухим стуком воткнулись в противоположную стену, завибрировали сердито.

Выхватив мечи, два бандита ринулись на приступ дома. Два других разбойника с изготовленными к стрельбе луками держали под прицелом двери и окна, сами оставаясь невидимыми.

Буйволу снился знакомый тягостный сон – вокруг него ходила безликая серая тень и что-то заунывно бормотала. Потом тень вдруг завизжала, шарахнулась в сторону, ударив Буйвола в живот.

– Что? – Он скатился на пол, сразу же схватился за меч, вытянул из ножен клинок, вскочил. Малыш уже стоял возле окна, сбоку, осторожно выглядывал на улицу.

Кто-то сильно ударил в дверь, словно налетел всем телом.

– Они здесь! – в знакомом голосе слышалась паника.

– Айхия! – Буйвол пинком выбил засов, распахнул дверь, подхватил перепуганную девушку. В темной прихожей тяжело бухали сапоги, кто-то ругался.

– Их двое! – выдохнула девушка.

– И еще один с луком возле сарая, – выпалил скороговоркой Малыш.

– Под кровать! – крикнул Буйвол девушке и перехватил меч двумя руками.

Первый бандит ворвался в комнату и сразу налетел на клинок Буйвола. Захрипел, вырвал свой меч, схватился за отточенную сталь, словно пытаясь вытащить ее из груди. Буйвол повернул клинок в ране, сильным ударом ноги отшвырнул пронзенного противника назад в прихожую. Захлопнул дверь, навалился на нее плечом.

– Как думаешь, сколько их еще?

– Не знаю, – Малыш переметнулся к другому окну. – Пока я видел лишь одного лучника. Держит на прицеле передние окна. Возможно, остальные сторожат другие выходы.

– Айхия, как ты там? – Буйвол задвинул засов.

– Дядя... – голос девушки дрожал. – Он у них...

На какое-то время воцарилась тишина, только царапали дверь пальцы умирающего разбойника. А потом кто-то громко закричал на улице:

– Вы двое! Выходите! У нас безухий и староста! Если не покажетесь, я прирежу обоих. Малыш и Буйвол переглянулись.

– Дядя... – всхлипнула Айхия из-под кровати.

– Выходим? – спросил Малыш.

Буйвол пожал плечами.

– А что, есть другие варианты?

– Я подожгу дом! – пригрозил бандит.

Малыш распахнул окно, крикнул, не высываясь:

– Мы выходим!

– Я впереди, – сказал Буйвол. – Ты первым делом подстрели этого крикуна... – Он отпер дверь, чуть приоткрыл ее, осторожно выглянул в сумрак прихожей. Вроде бы всё тихо. Бандит на полу уже не шевелится, из-под тела ползет змеей черная кровь. Табурет возле единственного крохотного окошка опрокинут. За грязным стеклом сереет рассвет... Буйвол потер переносицу и добавил:

– А уж дальше как-нибудь разберемся.

– Хороший план, – хмыкнув, одобрил Малыш.

– Выходите медленно! – приказывал голос с улицы. – Без оружия! Чтобы я видел ваши руки!

– Без оружия, – буркнул Буйвол. – Ишь чего захотел... Ладно, пошли!

Они перешагнули через мертвого бандита. Буйвол, проверяя, действительно ли тот мертв, пнул его в пах. Возле уличной двери бойцы остановились. Малыш заглянул в узкую щелку. Сказал шепотом:

– Вижу его. Халтет и Шалрой с ним. Держит нож у горла старика. Шалрой лежит на земле. Не двигается.

– Подстрелишь?

– Да. Ты только отвлеки его внимание.

– Постараюсь... – Буйвол прислонил меч к косяку, еще раз крикнул: – Мы выходим! – и тихонько толкнул дверь. На пороге он остановился, вытянув перед собой пустые руки, показывая, что безоружен.

– Где второй? – крикнул бандит.

– Второй? Он там... – Буйвол шагнул вперед, повернул голову направо, вытянул руку, указывая сам не зная куда. – Вон он...

И враг попался на эту нехитрую уловку. Бросил взгляд в сторону, отвлекся на секунду, и тотчас в темноте дома мелькнула тень, хлопнула тетива – Малыш выпрыгнул из дверного проема, метнулся к деревянному сараю, пустил еще одну стрелу в прячущегося там противника. Буйвол отскочил назад, схватил оставленный у выхода меч, стремительно бросился за угол, наткнулся на лучника, уже изготовившегося к стрельбе, широким скользящим шагом ушел с линии выстрела, одновременно рубанул врага, опередив его на ничтожное мгновение. Проревел во всю глотку:

– Готов один!

– У меня два! – Малыш петлял по двору, не давая прицелиться возможному противнику. Крутился, высматривая прячущегося врага. Стрела на тетиве, лук выгнут, незакрепленный как следует колчан бьется о бедро, мешается.

Буйвол обежал дом.

– Никого нет!

– Чисто! – Малыш остановился, но лук не опустил.

– Они все здесь... – Халтет пытался подняться с земли, но ему это никак не удавалось. Ноги сделались ватными, руки дрожали. – Все четверо... – голос его звучал глухо, надтреснуто. – Их было всего лишь четверо. Всего лишь...

– Ты уверен? – Буйвол помог старику встать.

– Да. Четверо на двух лошадях.

– Что с Шалроем?

– Его ударили по голове.

Буйвол присел возле пастуха, взял его за руку, нащупал пульс.

– Живой.

Он посмотрел на бандита, так и не выпустившего из рук нож. Удивленно покачал головой, сказал:

– Отличный выстрел.

Стрела вонзилась точно в глазницу, ушла в мозг. Смерть разбойника была мгновенной.

– Всего-то с пятнадцати шагов, – Малыш улыбнулся, пожал плечами. – Это было несложно.

Шалрой пошевелился, застонал.

– Дядя! – из дома выбежала Айхия, увидела труп со стрелой в голове, испугалась, остановилась, отвернулась.

– Иди домой, девочка... – прохрипел Халтет. – Иди... Мы его сейчас принесем...

Буйвол улыбнулся Айхии, кивнул:

– Он жив. Все в порядке.

Воины приподняли Шалроя, повели к дому. Пастух уже пришел в себя, он пытался идти сам, бормотал что-то неразборчивое. Халтет цеплялся за Буйвола. У старика отказывали ноги.

Вчетвером они протиснулись в дом, уложили пастуха на неприбранную кровать, усадили старосту на лавке возле печи. Айхия принесла с кухни влажную тряпицу, стала осторожно протирать Шалрою грязное лицо.

– Пойдем пройдемся, – сказал Буйвол Малышу. – Надо всё как следует проверить...

Они обошли всю деревню, заглянули на огороды, вышли за околицу. Отыскивали в пыли следы копыт, внимательно изучили – две перегруженные лошади вошли в селение с востока. Двигались разбойники напрямую, без остановок, забыв об осторожности, словно шли к себе домой. Они явно не ожидали встретить здесь отпор.

– Они вернутся, – сказал Буйвол. – На этот раз всей бандой. Завтра или через день, не позже.

Малыш посмотрел на друга, вздернул бровь, ухмыльнулся, фыркнул и захохотал.

– Что? – Буйвол нахмурился. – Я что-то не так сказал?

– Ты! Мы! – Малыш давился от хохота. – Да посмотри же!

Они оба были в одном нижнем белье. Босые, полуголые, но при оружии.

Буйвол смущенно хмыкнул, подумав об Айхии.

– У тебя же дыра на заднице! – побагровевший Малыш осел на землю. – Ну-ка повернись!

– Ладно тебе! – Буйвол оттолкнул от себя напарника. – Хватит! Пошли домой!..

Деревня уже ожила. Встревоженные, разбуженные криками люди собирались кучками, сходились к дому Шалроя. Издалека поглядывали на распростертые тела чужаков. Самые смелые подходили ближе, смотрели в мертвые лица. Отворачивались. Преодолевший слабость, вышедший к людям Халтет скупно рассказывал о быстротечной схватке. Показывал на трупы. Завидя возвращающихся бойцов, селяне зашумели. А победители, словно чего-то смущаясь, вдоль стены, бочком проскользнули в дом пастуха.

Буйвол прихрамывал и неловко прикрывал зад мечом.

Весь день дом Шалроя гудел словно улей. Люди приходили и уходили, все хотели посмотреть на бойцов, что вернули в деревню двух лошадей. Каждый хотел угостить победителей. Несли последнее – кривые хвостики неуродившейся репы, лепешки из остатков муки, вареные яйца, сушеные, тонкие до прозрачности полоски пересоленного мяса... Уставшая Айхия с вымученной улыбкой встречала гостей, принимала скромные подарки, провожала новоприбывших в большую комнату, рассаживала. Халтет безостановочно рассказывал о схватке, вспоминая все новые подробности. Шалрой, приложив к большой шишке на затылке медную тарелку, поддакивал. Малыш и Буйвол почти не говорили. Но от них этого и не требовали. Достаточно было и одного их присутствия.

Время от времени Буйвол вставал, выходил в прихожую, выглядывал в маленькое окошко.

Вроде бы все тихо, никакого подозрительного движения.

Просто еще рано. Чет Весельчак еще не встревожился долгим отсутствием своих людей.

Но вот завтра...

Или через день...

Может быть ночью, но вернее всего утром, на рассвете, когда сон крепок...

Выходила Айхия, звала Буйвола в комнату, к людям. Говорила, что нельзя их обижать, они воду принесли и еду. И воин шел за ней, улыбался веселым беспечным крестьянам, перелглядывался с Малышом.

Оба понимали – следующий бой не будет таким быстрым и легким.

Вечером тела разбойников оттащили далеко за деревню. Крестьяне лопатами подрезали тонкий дерн, скатали его в рулон, словно одеяло, быстро сноровисто вырыли глубокую яму. Похоронив трупы, разровняли, притоптали землю, раскатали полотнище дерна, укрыли могилу.

Небольшой бугорок посреди степи – кто обратит на него внимание? Кругом так много подобных холмиков.

Этой ночью Малыш и Буйвол посменно дежурили возле окна в темной прихожей.

В большой комнате храпел Шалрой, порой замолкая и встревоженно ворочаясь. На улице ветер гнал пыль, царапал крышу и стены. Дом, словно живой, потрескивал, поскрипывал, постанывал, вздыхал. Было жутковато. Казалось, за спиной кто-то стоит, таращится прямо в затылок. Вот-вот протянет руку-лапу из тьмы, коснется волос...

Несколько раз за ночь дежурившим бойцам мерещилось, что в степи проблескивают какие-то огоньки – не то далекие костры, не то волчьи глаза, не то что-то гораздо более страшное...

Иногда чудилось, что сейчас перед самым окном вынырнет жуткая морда с оскаленной пастью, с горящими бельмами... Кто-то же скребется в стену, словно роя подкоп... Какие-то тени мечутся в темноте за стеклом... Ветер?..

Бойцы гнали неприятные мысли, но те копились во мраке. Роились.

Бесконечно долго тянулась ночь.

Глава 7

Они не пришли ни ночью, ни утром, ни днем, ни вечером.

Не было их и в следующую ночь.

Они появились в полдень, в самое жаркое время, когда их меньше всего ждали. И пришли они не с востока, как ожидалось, а с севера.

Видимо, они подошли к деревне ночью, залегли, укрывшись пыльными кусками ткани с нашитыми пучками травы, неразличимыми на фоне выгоревшей равнины, дождались рассвета. Осмотревшись, убедившись, что в деревне вроде бы нет посторонних, вроде бы всё тихо и никто их не ждет, медленно поползли на животах, подбираясь вплотную к огородам. Там они поднялись и побежали, прячась за изгородями.

Двигались они быстро, бесшумно, рассыпавшись широкой цепью. Они не знали, что их ждет в деревне, и потому осторожничали.

Их заметили лишь когда они ворвались на деревенскую улицу. Заметались переполошенные куры. Закричала женщина, подметающая крыльцо, бросилась в дом. Играющие в пыли мальчишки брызнули в разные стороны. Застучали запираемые двери, захлопнулись окна.

Только Халтет сидел в тени тополя и не двигался. Спокойно следил за приближающимися чужаками.

Он знал, что надо делать.

– Проморгали! – Малыш выбежал из комнаты в прихожую. Буйвол стоял возле окошка, держа в руках обнаженный меч.

– Там их нет!

Они оба слышали крики и поняли, что эти крики означают.

– Они пришли с другой стороны! Проклятье!

Айхия выглянула из своей комнаты. Буйвол махнул ей рукой:

– Прячься! Они пришли!

– Где Шалрой? – крикнул Малыш.

– Я здесь! – пастух вбежал с улицы, запер за собой дверь, прислонился к косяку, пытаясь отдышаться.

– Видел их? – спросил Буйвол.

– Только одного. Заглянул за угол и увидел.

– Я видела, – сказала Айхия. – Из своего окна. Человек шесть.

– Наверное, их не меньше десятка, – сказал Малыш.

– Справимся, – Буйвол, легонько отодвинув девушку, шагнул в ее комнату. Краем глаза поймал какое-то движение справа, развернулся мгновенно, готовый отразить атаку. И ухмыльнулся, увидев себя, – всего лишь большое зеркало на стене – дорогая вещь. Балует пастух племянницу, балует...

– Спускайся в подпол, – сказал Малыш девушке.

– Прячься, – поддакнул Шалрой, попытался ободряюще улыбнуться.

– Все будет хорошо? – спросила у них Айхия.

– Лучше не бывает, – сказал Малыш и подмигнул. – Не волнуйся.

Буйвол скользнул мимо девушки. Доложил:

– Десять человек. Не кучкуются. Все вооружены. Пешие. Одеты легко, доспехов нет. И Весельчак с ними. Беседует со стариком.

– Он вернулся, – сказал Халтет.

– Кто? – Чет Весельчак не смотрел на старосту. Он следил за деревней.

– Тот, кого вы искали раньше.

– Меченый?

– Наш пастух.

– Зачем ты говоришь это мне?

– Вы же его искали.

– Сейчас я ищу своих людей.

– Четырех человек на двух лошадях?

– Да, их. Они не вернулись в срок. Что ты скажешь об этом? – Чет пристально посмотрел на Халтета. Глаза его казались неживыми, холодными.

– Они были здесь два дня назад, – Халтет выдержал взгляд разбойника. – Забрали все что могли, и уехали. К горам.

– Здесь кругом горы.

– Они двинулись на запад.

– На запад? Зачем? Ты врешь, старик!

– Они нашли наше золото, – произнес Халтет заготовленную ложь. – Возможно, они не захотели делиться с тобой.

– Золото? Какое? Откуда?

– В горах его много. Надо только уметь взять. Мы умеем...

Чет долго молчал, разглядывая старика, пытаясь понять, правду ли тот говорит. Сказал:

– Ты врешь!

– Нет, – ответил Халтет.

– Врешь!

– Они забрали все золото и ушли на запад. К горам. Ветер был сильный, но, возможно, за деревней еще можно найти следы... – Халтет знал, что следы есть. Вчера утром он сам велел двум подросткам, Хитату и Артису, увести лошадей как можно дальше от деревни, на зеленые пастбища у предгорий, к пещерам, где можно спрятаться в случае опасности. Ребята умчались, гордые оказанным доверием, и Халтет надеялся, что с ними сейчас всё в порядке.

– Я проверю, – сказал Чет. – И если следов не окажется... Это будет твоя последняя ложь, старик.

– Я говорю правду.

Бандиты, заняв центр деревни, с нетерпением ожидали дальнейших распоряжений. Весельчак запретил им собираться вместе. Он каждому назначил зону ответственности, наказал глядеть в оба, держать оружие наготове.

Жарило солнце. Дрожал раскаленный воздух.

Кое-кто из бандитов, послушавшись приказа, украдкой поглядывая в сторону Чета, сходили с утоптаных дорожек, прятались за домами, в тени, садились на землю, откладывая оружие, забывая об осторожности. Деревня казалось вымершей. Было тихо, спокойно. Перепуганные крестьяне теперь десять дней носа из дома не высунут. Кого тут остерегаться?..

– Сколько золота? – спросил Чет.

– Много. Мы собирали его сорок лет.

– Зачем?

Этого вопроса Халтет не ждал, но ответ пришел в голову сам:

– Чтобы перебраться на лучшие земли.

Снова возникла пауза. Холодные глаза изучали безучастное лицо Халтета. Наконец, Чет ухмыльнулся:

– Ты складно говоришь, старик. Но я не верю тебе.

Староста пожал плечами:

– А разве есть такие, кому ты веришь?

Чет расхохотался.

– Ладно. Со своими людьми я разберусь сам. Показывай, где Меченый.
– Зачем он вам?
– Это не твоего ума дело!
– Да, конечно... – Халтет не двигался с места. Ему нравилось быть в тени. – Я просто хотел предупредить – он опасный человек.
– Кто? – Чет фыркнул. – Пастух? Опасен?
– Вы убили его отца. Убили подпасков. Угнали стадо. Вы разозлили его. Это плохо.
– Ты что, старик, выжил из ума? – Чет больше не ухмылялся.
– Я? Еще нет... Но вот пастух без стада... Это плохо.
– Где он?! – рявкнул Чет.
– Там! – Халтет махнул рукой себе за спину. – Дома. Ждет вас.
– Ждет? – Чет поднял лук, нацелил стрелу точно в лоб старику.
– Да. Ждет. И он не один.
– Не один? – Лук был выгнут до предела. Тетива чудом держалась на кончиках пальцев, казалось, что она вот-вот их срежет.
– Не один... – Халтет тянул время. Так было договорено. Он не видел, что сейчас делают бойцы. Но он догадывался.
– Что ты имеешь в виду?
– Зачем ты целишься в меня? Я ведь на твоей стороне. Я все тебе рассказываю.
Чет не шевельнулся, не опустил оружие, не ослабил тетиву.
– Кто с ним?
Халтет пожал плечами:
– Я не знаю... Впрочем... – Он повел глазами вправо. Слегка улыбнулся, заметив знакомые стремительные силуэты, скользнувшие из-за домов на противоположной стороне улицы, поднял руку. – Да вон же они!
Чет медленно повернулся в сторону, куда показывал старик...

Первого бандита они сняли тихо и быстро. Буйвол подкрался к нему со спины, сгреб ручищами, зажав рот, а Малыш, вынырнув из-за угла, с десяти шагов выпустил стрелу, попав точно в сердце. Они оттащили тело за поленницу, сняли с него плохонький меч, отдали затаившемуся среди дров Шалрою.

– Иди стереги Айхию, – шепотом сказал Буйвол.

Пастух кивнул и, пригнувшись, побежал к своему дому.

Второй бандит, спиной прислонившийся к стволу тополя, заметил их, но не успел поднять тревогу. Лишь страх плеснул в его глазах. Стрела Малыша пробила врагу горло, а через мгновение меч Буйвола отсек ему голову. Еще продолжая жить, цепляясь за дерево, обезглавленное тело сползло на землю.

Никто ничего не заметил.

Дальше врагов было больше. Он стояли тесней, ближе друг к другу. Скучая, поглядывали по сторонам. Перемигивались, показывали какие-то знаки, словно переговаривались жестами, ухмылялись.

Держась за домами, прокрадываясь дворами, Малыш и Буйвол незамеченными подобрался к центру деревни. Подползли еще ближе, залегли за кучей навоза, осмотрелись.

Халтет беседовал с Весельчаком. Головорезы откровенно томились от безделья.

Семь человек, не считая главаря. Все на виду. Трое отложили луки. Двое других увлечены тихим разговором. Каждый из них – легкая мишень.

– Идем? – спросил Буйвол.

– Пошли, – Малыш приподнялся.

Они бросились вперед и увидели, как Халтет показал в их сторону, но не точно на них, а мимо, и как он сказал громко:

– Да вон же они!

Чет Весельчак медленно повернулся в сторону, куда показывал старик. Руки его дрогнули.

– Этот мой! – проревел Буйвол.

Три бандита вздернули луки, рванули тетивы, словно хотели их порвать. Противники были плохими стрелками, и Малыш невольно поморщился. Он даже помедлил чуть, давая врагу лишнее время – так было интересней. И выпустил первую стрелу.

Все пришло в движение. Пригнувшись, убежал Халтет. Буйвол несли на Чета Весельчака, натянувшего лук. Шесть бандитов разбегались в стороны, рассредотачивались, пытаясь окружить неожиданно появившегося врага. Заваливался на бок подстреленный разбойник.

Малыш выпустил вторую стрелу и снова не промахнулся. Он не стоял на месте, петлял, бросался из стороны в сторону, кружился, не давая противникам как следует прицелиться. Он видел каждого из них и предугадывал их действия. Он играл с ними, а они этого не понимали.

Они были никудышные стрелки. Их стрелы летели мимо.

Зато Чет, их предводитель, мастерски владел луком. Сейчас он застыл, натянув тетиву, целя в мчащегося на него Буйвола. Весельчак спокойно ждал, когда можно будет выстрелить наверняка. В упор.

Здоровяк мечник слишком самонадеян. Неужели он думает оказаться быстрее?

Или он просто невообразимо туп?

Сейчас!

Буйвол, предугадав выстрел, рванулся в сторону, но опередить лучника не сумел. Он лишь чуть уклонился – стрела прошла бицепс левой руки вместо того, чтоб пробить грудину.

– Проклятье! – рявкнул Буйвол. Снова он оказался слишком медлительным! Опять неудача!

Пробитая рука ослабла. Буйвол махнул мечом, и едва его не выронил. Чет уклонился от неловкого удара, швырнул бесполезный теперь лук противнику в лицо, отпрыгнул за ствол дерева, выхватил из-за пояса длинный нож, больше похожий на меч...

Малыш, поднимая ногами тучи пыли, метался по дороге. Остались лишь три живых противника. Они успели найти укрытия. Первый спрятался за разошедшей большой бочкой, что стояла около заброшенной деревенской винокурни. Второй укрылся за покосившимся срубом колодца. Третий убежал за навозную кучу...

Буйвол перехватил меч здоровой рукой. Другую он просто не чувствовал. Болела растянутая лодыжка.

Чет Весельчак выскочил из-за дерева. Он пританцовывал, низко пригнувшись, разведя руки, широко расставив ноги, размахивал перед собой длинным ножом и был похож на паука. На ядовитого паука.

А Буйвол ненавидел пауков...

Бандит, спрятавшийся за бочкой, высунулся из-за своего укрытия, выстрелил почти наугад и не успел спрятаться – стрела Малыша пробила ему горло. Хрипя, разбойник выронил лук, шагнул назад на заплетающихся ногах. Он зажимал себе шею, и кровь брызгала из-под стиснутых пальцев, кропила пыльную серую траву.

Малыш кинулся в сторону, увидел бок разбойника, прячущегося за колодцем, не мешкая всадил в него стрелу. Подвывая, раненый бандит вывалился на открытое место и тотчас получил вторую стрелу в грудь.

– Я сдаюсь! – донеслось из-за навозной кучи. Оттуда, крутясь, вылетел лук и упал в пыль под ноги Малышу. – У меня нет оружия! – короткий меч, кувыркаясь, отлетел в сторону. Малыш нацелился на голос, крикнул:

– Выходи!..

В этот момент Чет Весельчак отскочил и метнул нож в противника. Буйвол легко отбил нож клинком. И тогда Весельчак вдруг развернулся и побежал. Это было так неожиданно, что Буйвол опешил.

– Эй! Куда?

Чет бежал так же хорошо, как и стрелял из лука.

– Стой! – Буйвол пришел в себя, бросился догонять сбегающего врага. И понял, что не успеет – поврежденная лодыжка запыхала болью. Опять не успеет!

– Проклятье! Малыш! Стреляй в него! Стреляй!

Малыш держал на прицеле человека, медленно выходящего из-за навозной кучи. Враг сдался, поднял руки, но это могла быть уловка – Малыш не собирался рисковать.

– Стреляй! – кричал Буйвол, ковыляя за Весельчаком. А тот уже был на краю деревни. Перепрыгнул через низенькую изгородь и помчался в степь.

– Стой!

И Чет вдруг остановился, повернулся к преследователю. Буйвол, стиснув зубы, прибавил ходу.

– Кто вы такие? – крикнул Весельчак.

Буйвол добежал до изгороди.

– Откуда вы здесь взялись? – иступленно кричал Чет, словно бы не замечая, как приближается Буйвол. – Что вам надо? Я вам нужен? Да? Я?.. – Весельчак расхохотался, запрокинув голову к небу. – Гоните меня? Загоняете? А куда? Куда? Зачем я вам?..

Буйвол был уже шагах в тридцати.

– Зачем я?! – прокричал бандит в небо и сорвался с места.

– Стой! – рявкнул Буйвол.

Но Чет больше не думал останавливаться. Он бежал, и бежал, все удалялся, пока окончательно не скрылся из вида.

Буйвол еще какое-то время преследовал исчезнувшего врага. Потом, поняв, что это бесполезно, остановился, выругался, плюнул под ноги. Прокричал еще раз в пустоту:

– Стой! – и опустил на горячую землю. Запал битвы прошел. На смену пришли боль и апатия.

Он осмотрел руку, насквозь пробитую стрелой. Покачал древко, двумя пальцами легко переломил его. Стиснув зубы, закатив глаза, вытянул из раны обломок стрелы, отшвырнул в сторону. Выдохнул. Потом долго снимал сапог с опухшей ноги, разглядывал сизую лодыжку, ощупывал, ругался, утирал испарину.

Передохнув, он кое-как обулся, встал, опираясь на меч, и, сильно хромая, отправился назад.

И чем ближе он подходил к деревне, тем тверже становился его шаг.

В небольшой низинке Чета Весельчака ждала лошадь, привязанная к вбитому в землю колышку. Он оставил ее здесь, когда вместе со своими людьми под покровом темноты отправился в деревню.

Он не предполагал, что вернется сюда совсем один...

Добежав до ложбинки, Чет увидел, что лошадь на месте, и немного успокоился. Упав на землю, он долго лежал, переводя дыхание и вглядываясь в степь – не появятся ли преследователи. Он скрипел зубами, стискивал кулаки, терзал пальцами сухую землю, вновь переживая свое поражение.

Всего два человека! Два безвестных бойца-оборванца, пешие, без доспехов, без кольчуг – разгромили весь его отряд. И как! Молниеносно! Без усилий!

Кто они?

И куда теперь? Возвращаться к стаду? Перерезать всю скотину, чтобы ничего не осталось крестьянам?

Хорошая идея!

А вдруг они уже там? Или скоро будут...

Нет, надо уходить! Возвращаться к стаду сейчас слишком рискованно...

Это все Меченый! Проклятый пастух! Он привел тех двоих! Ничего, еще будет время поквитаться!

А золото? Правду ли говорил старик о золоте? Не верится. Должно быть, Грязный Рино, Космач, Кривой Тремп и Коротышка Мит тоже мертвы. Сохнут где-то в этой проклятой земле, даже не гниют, как обычные мертвецы...

А если старик не врал? Если золото было? Если эти голодранцы решили не делиться неожиданной добычей и ускакали совсем в другую сторону?

Проклятье!

Старик был спокоен, когда разговаривал. Непохоже, что он врал...

Золото... Оно действительно есть в горах...

Крестьяне собирали его, чтобы выбраться из этой проклятой котловины. Очень смахивает на правду.

Но разве те двое выпустили бы четырех грабителей? Нет! Наверняка нет!

Но они могли разминуться. Могли просто не встретиться.

Кто знает, где тут правда, где ложь.

Надо уходить, пока не поздно!..

Чет поднялся, отряхнулся. Спустился к лошади, отвязал ее, погладил ноздри, похлопал по крупу. Вскочил на спину, припал в шее, гикнул, ударил пятками.

Вперед! На запад! Вдруг золото действительно там!

Кто знает, какая судьба уготована ему? Может, он станет богат? И тогда его месть будет изощренной!

А если же ему суждено остаться тем, кто он есть... Что ж... Тогда он просто убьет своих обидчиков... Рано или поздно...

Глава 8

Когда Буйвол вошел в деревню, на улице было полно народу. Селяне, собравшись большой толпой, шумели, радуясь победе. Слышался смех. Деловитый Халтет отдавал распоряжения – трое взрослых мужчин, взяв на всякий случай топоры, отправятся к пещерам за лошадьми. Трое других вместе с пастухом Шалроем немедленно пойдут искать стадо. Пленный бандит уже рассказал, что скотина была оставлена ими без охраны, и сейчас вольно пасется около ручья, вытекающего из ущелья. Халтет знал это место. Шалрой тоже там бывал. Если поторопиться, если идти без остановок, то уже завтра днем они увидят свое стадо.

Со скотиной, по словам разбойника, все было в порядке. Коров они не тронули, только изредка резали овец и баранов на мясо. Чет Весельчак собирался перегнать все стадо через горы, и в первом же городе продать.

Малыш, взяв в напарники деревенского мясника, стаскивал трупы на дальний конец деревни, к длинному сараю без окон, где когда-то хранилось зерно.

Возвращающегося Буйвола крестьяне приветствовали криками. Воин в ответ поднял над головой меч. И пошатнулся. Левая рука висела плетью, одежда была перемазана кровью.

– Ты догнал его? – крикнул Малыш, волоча за ноги обезглавленное тело. Бледный мясник нес отрубленную голову, ухватив ее за волосы.

– Нет, – Буйвол покачал головой. – Он ушел.

– Это плохо, – сказал Халтет. – Он может вернуться.

Буйвол дошел до людей, присел на обочине дороги, опираясь на меч. К нему тут же подбежала Айхия, опустилась рядом, осторожно коснулась пальцами раны, разорвала рукав, тихонько ойкнула, увидев кровоточащую черную дыру.

– Он не вернется, – сказал Буйвол, поглядывая на девушку. – Он один, без оружия. Он знает, что его ищут. Он не останется здесь. Сбежит.

– Значит мы ничего не получим? – спросил Малыш. – Никаких денег?

– Похоже, что так.

– Тебя надо перевязать, – сказала Айхия.

– Ерунда! – Буйвол отмахнулся здоровой рукой. – Кровь уже почти не течет.

– Надо промыть рану.

– Я бы просто попил.

– Да, – Айхия легко поднялась, – конечно, я сейчас принесу.

Малыш, бросив труп возле амбара, отряхнул руки и направился к другу. Мясник присел возле тела, приставил страшную мертвую голову к обрубку шеи. Торопливо отошел. Его мутило от этой жуткой работы.

– Ну что теперь будем делать? – спросил Малыш.

Буйвол пожал плечами:

– Пару дней отдохнем и пойдем назад.

– Как же ты его упустил?

– Сам не знаю.

– Не догнал.

– Он быстро бежит.

– А нога?.. – Малыш оставил вопрос недосказанным. Но Буйвол отлично его понял. И мрачно ответил:

– Да. Моя нога.

– За пару дней справишься?

– Конечно.

– Тогда так и поступим.

– Ему просто повезло, – сказал Буйвол невпопад.

– О чем ты?

– Он опередил меня. Но ему просто повезло.

– Да, наверное, – не стал спорить Малыш.

На улице уже почти никого не было. Крестьяне разошлись по домам. Их встревожило известие, что Чету Весельчаку удалось скрыться.

Бегом вернулась Айхия, протянула ковш. Буйвол принял его здоровой рукой, отложив меч, стал жадно пить теплую грязную воду.

– Дай мне руку, – приказала девушка. И когда воин послушался, она принялась мокрой тряпицей протирать края раны, счищая корку подсохшей крови.

– Что ж, – сказал Малыш. – Пусть денег не заработали, зато повеселились.

– И людям помогли, – добавил Буйвол. – Но стадо мы еще не вернули.

– Считай, что вернули, – Малыш мотнул головой в сторону связанного пленника, кулем валяющегося возле навозной кучи. – Он рассказал, где скотина.

– А может мы сможем что-нибудь выручить за него? – заинтересовался пленным Буйвол. – Все-таки он из банды Весельчака.

– Вряд ли. Монахи ищут самого Чета. Зачем им обычный разбойник?

– А зачем им Чет?

– Кто знает...

Айхия чистым льняным бинтом перевязала рану, чуть отстранилась, любуясь делом своих рук. Спросила Буйвола:

– Ну, как?

Воин улыбнулся ей:

– Хорошо. Спасибо тебе.

– Вам спасибо. Обоим. – Она вдруг прильнула к Буйволу, прижалась губами к его щетине. Поцеловала неловко. Вскочила, словно подброшенная какой-то тугой пружинкой внутри, и, сверкая пятками, бросилась прочь.

Оторопевший Буйвол провел грязной ладонью по колючей щеке. Растерянно посмотрел вслед босоногой девушке.

– Вот это да! – Малыш прищелкнул языком, хлопнул товарища по плечу. – Свою награду ты получил! – Он хохотнул. – А кто наградит меня?..

В тени тополя, на своем обычном месте восседал староста Халтет. Он смотрел на бойцов и хмурился.

Девять тел закопали далеко в степи в трех общих могилах. Никто не плакал на этих скорых похоронах.

Когда ямы забрасывали пересохшей, рассыпающейся в пыль землей, Малыш толкнул локтем Буйвола и негромко сказал:

– Посмотри повнимательней.

– Куда?

– Вокруг.

– И что?

– Холмики...

Все равнина, насколько хватало глаз, бугрилась невысокими холмиками.

– И что? Земля здесь такая.

– Да, наверное. Но выглядит это словно огромное кладбище. Мертвая земля.

– Мало ли что как выглядит, – Буйвол пожал плечами, и подумал, что высказал в общем-то неглупую вещь.

Целых три дня гостили Малыш и Буйвол у крестьян.

Когда Шалрой ушел искать стадо, их сразу переселили в дом к Халтету – конечно же, двое чужих мужчин не могли жить под одной крышей с незамужней одинокой девушкой. И несмотря на то, что старик был безобразен, а ночами он громко храпел, Малыш и Буйвол не роптали – они умели во всем находить маленькие радости. У Халтета всегда было многолюдно, шумно, нескучно. А вечерами староста развлекал гостей байками из своей жизни.

Трофейное оружие бойцы раздали крестьянам. Малыш показал, как правильно держать лук, брать стрелу, натягивать тетиву. Утром каждого дня он давал уроки селянам, пуская стрелы в распотрошенные соломенные чучела на огородах.

– Стреляете вы отвратительно, – приговаривал Малыш. – Но вас много и вы у себя дома. В этом ваша сила.

Буйвол научил деревенского мясника правильно держать меч и продемонстрировал несколько простых ударов и блоков.

– Чтобы побеждать, нужна самая малость – надо всего лишь быть быстрее противника, – сказал он, закончив единственный короткий урок.

Айхия с бойцами больше не встречалась. Несколько раз Буйвол видел ее в окошко, когда она шла по улице, но когда он выходил на крыльцо, девушки уже не было. Конечно, он мог бы заглянуть к ней домой. И – он был уверен – Айхия с радостью встретила бы его. Но... Буйвол чего-то стеснялся...

Ночью второго дня, ведя двух лошадей, воротились пятеро селян, принесли хорошие новости – вода, вроде бы, возвращается. Ручьи стали полноводней, утром выпадает обильная роса, а с гор сползает густой туман. Однажды было слышно, как где-то в отдалении рокочет гром.

Позже пришел человек и от пастухов, сказал, что стадо нашли. Охраны действительно не было, лагерь Чета пустовал, внутри наспех выстроенных шалашей пауки сплели свои сети, кострища давно остыли, угли присыпаны пылью – по всему видно – людей не было несколько дней. А скотина почти вся. Разбрелась конечно по окрестностям, но недалеко – нашли, собрали. Только вот овец стало в два раза меньше. И третью лошадь так и не нашли. Шалрой с товарищами перегнал стадо чуть ближе к деревне, так что теперь можно будет ездить за молоком. Одно лишь плохо – собак нет. Но пастухи справляются. Привыкли уже, приноровились.

Жизнь в деревне пошла веселей.

Даже пленный разбойник оказался, вроде бы, неплохим человеком. Сам он утверждал, что в банду Весельчака попал недавно, почти случайно. Всю жизнь был крестьянином, жил в небольшом хуторе по ту сторону гор. Однажды встретил в лесу группу вооруженных людей, попросился к ним, потому что надоела монотонная работа, захотелось мир увидеть, свободы хотелось. Приключений. И его приняли. Кашеваром. Он и оружие-то в первый раз взял лишь когда все в деревню пошли. Он никого не убил, даже не ранил. Овец резал, да. Но не людей же.

Халтет, выслушав пленника, пристально посмотрев ему в глаза, огласил: будешь делать самую грязную работу. Все, что тебе скажут. Таково наказание. Хорошо будешь трудиться – со временем отпустим, иди куда хочешь. А если учудишь что – запрем в амбаре и кормить не станем. Мы за тобой следим! – пригрозил староста вчерашнему бандиту. А вокруг стояли селяне с луками в руках – они собирались на очередную тренировку, ждали Малыша.

«Вас много и вы у себя дома...»

Теперь крестьяне, случись что, могли дать отпор. Теперь-то они понимали, в чем их сила.

Поздним вечером третьего дня Малыш и Буйвол стали собираться. Еще раз проверили оружие, нацедили воды во фляжки. Выйдя из дома, тщательно протрясли одежду и пустой дорожный мешок. Вернувшись, встали у порога и о чем-то долго негромко переговаривались.

Халтет, сидя за столом, наблюдал за гостями.

– Хлебца в дорогу дадите нам? – спросил у хозяина Малыш. – А может и еще что побогаче.

– Уходите? – поинтересовался староста, не ответив на вопрос лучника.

– Да. Завтра. На рассвете. Пока еще не жарко.

– И куда пойдете?

– К горам.

– Горы кругом.

– Да уж. Не заблудимся.

– А тропы знаете? Перевалы?

– Найдем, где перейти.

– Проводник вам нужен. Дам я вам паренька одного смышленного в провожатые. До гор вас доведет, покажет куда дальше, объяснит.

– А еды дашь? – повторил вопрос Малыш.

– Дам. И еды дам. И кое-что еще впридачу.

– Что? – Малыш и Буйвол спросили одновременно.

– Завтра увидите. Утром.

Было уже совсем темно. В незавешенные окна заглядывала с улицы ночь. Комната была освещена тусклым мерцающим светом масляного светильника, что висел над столом.

– А сейчас давайте-ка спать, – сказал Халтет и дунул на язычок пламени.

Малыш и Буйвол, разом ослепнув, нерешительно двинулись к своей комнате. И остановились, услышав хриплый голос старика:

– В темноте даже самый могучий воин становится беспомощен. Не так ли?

Скрипнули половицы, сначала справа, потом слева. Халтет уверенно расхаживал по своему дому.

– И что из этого? – спросил Малыш, ощупывая стену.

– Все мы ходим во тьме... – старик откашлялся. – Даже самые могучие воины... Ложитесь спать. Завтра будет новый день.

Халтет проснулся часа за два до рассвета. В комнате было светло. Все окошко заняла рябая луна – она словно подкатилась к самому дому и заглядывала внутрь.

Старик зевнул, сел на кровати, спустив ноги на пол. Прислушался – гости спят.

Он накинул рубаху и крадучись вышел из дома. За сараем взял лестницу, прислонил к стене, залез на чердак. Посидел какое-то время в темноте, вдыхая тяжелый пыльный воздух, прислушиваясь к тихим шорохам. Чуть было снова не задремал, уже уронил голову на грудь, но тут осмелевшая мышь, пискнув, пробежала по ноге, и Халтет вздрогнул, очнулся. Обернувшись, увидел, что небо уже сереет, звезды тают, и заторопился. Подтянул к себе небольшой железный ящичек, спрятанный под охапкой прелой соломы, откинул крышку, достал тряпичный сверток. Положив его на колени, аккуратно распеленал. Провел пальцем по тускло блеснувшему металлу.

Что же это такое?

Не золото, не железо, не медь, не олово.

Ровный диск из неизвестного необычайно легкого металла. И необычайно твердого – даже зубило кузнеца не оставило на нем ни малейшей царапины.

Шесть пятигранных шипов по окружности – словно ножки.

На другой стороне – четыре небольших выемки. Около каждой какие-то мелкие, но четкие знаки.

И отверстие в центре...

Что же это такое?

Совершенно бесполезный предмет. И металл бесполезный, не поддающийся ни огню, ни ковке.

Разве только щит из него сделать. Приклепать этот диск поверх обычного щита, пусть даже деревянного, и цены ему не будет – любой удар выдержит.

Халтет нашел эту вещь еще мальчишкой. Выкопал, когда вместе с отцом рыл колодец. Сразу же спрятал под рубахой, никому ничего не сказав, и так потом всю жизнь и перепрятывал. Зачем? Только вот однажды показал кузнецу, и тот долго возился, пытаясь понять, что это за металл, качал головой, удивлялся, все спрашивал – когда, кто, откуда? Халтет отоврался, придумал какую-то невероятную историю – уж и сам забыл о чем... И, забрав диск у кузнеца, снова спрятал...

А чего прятал? От кого?

Прямо как сорока с блестящей мелочью...

Хватит! Вот и пригодился теперь этот круг. Не золото, конечно, но диковина. Может, денег стоит. А если и нет – в большом мире всякой безделице применение найдут. Придумают, на что приспособить...

Халтет завернул металлический диск в ветхую тряпицу. Отдуваясь, неуклюже сполз с чердака. Убрал лестницу на место. И пошел будить Хатука, младшего сына Хиама. Мальчишка рос бойкий, излазил все окрестности, несколько раз ходил с Шалроем в дальние переходы, к горам. Ему нравилось рисовать в пыли карты, он сам придумывал какие-то значки, говорил, что учится писать. Халтет любил беседовать со смышленным пареньком, поправлял его схемы, дополнял деталями.

Лучшего проводника для гостей сейчас не найти.

Буйвол спал плохо.

Все чудилось, что вокруг ходит серая тень, бормочет что-то. Он даже разбирал отдельные слова. Но они казались бессмысленными, и он не мог их запомнить.

Ныла пробитая стрелой рука. Снилось, что она горит словно полено, плюясь алыми кубиками углей, и чернеет, обугливается.

Было жарко и душно. В горле першило, хотелось пить. Но за водой надо было вставать, идти во мраке на кухню, запинаясь, натываясь на углы, искать ощупью ведро, ковш.

«В темноте даже самый могучий воин становится беспомощен...»

За стенами и на чердаке возились мыши.

Безликая жуткая тень подошла к самой кровати, тронула его холодной рукой, проскрежетала:

– Вставай!

И Буйвол очнулся, открыл глаза. Над ним нависал Халтет. За спиной хозяина дома серо светилось распахнутое окно.

– Вставай, – повторил старик. – Уже утро.

– Что? – на лавке завопил Малыш. – Пора?

– Да, – Халтет отошел к окну, выглянул на улицу. Сухой ветер шевелил его нечесанные космы. – Собирайтесь.

Собирать им было нечего. Всё уже было готово.

Они прошли через тихую деревню. Впереди босоногий паренек по имени Хатук вел под уздцы двух лошадей. Староста и воины шагали позади, негромко разговаривали.

Было еще сумрачно. Чуть теплилось небо на востоке, и на его фоне черными тенями вырисовывались вершины гор.

– Хатук проводит вас до самого перевала, – говорил Халтет. – Потом с лошадьми вернется назад. А вы пойдете прямо. Там одна дорога, сбиться с нее невозможно. В сумках хлеб, вода,

яйца и немного мяса. Это все вам... Я думаю, Хатук попросит вас взять его с собой. Он бойкий паренек. Но вы отправьте его домой.

– Хорошо, – сказал Малыш.

– Он, наверное, предложит перевести вас на ту сторону гор. Но туда вы должны идти сами, одни. А он пусть возвращается. Гоните его.

– Ладно.

– Жаль, что у нас нет денег. Мы бы заплатили вам. Хоть сколько-нибудь.

– Мы рассчитывали получить награду за Чета Весельчака. Он сбежал. Вашей вины тут нет. Мы сами его упустили. Так что вы ничего не должны.

– Вы вернули нам стадо.

– Мы только разбили банду.

– Если бы у нас было золото...

– Давай не будем больше об этом...

Они остановились на околице. Впереди расстилалась бурая степь, по которой ветер гнал пыль и мятые шары перекати-поля.

– И все же я не могу отпустить вас с пустыми руками, – сказал Халтет. – Вместе с едой я положил одну вещь... Я не знаю, для чего она предназначена. Не знаю, что это такое. Может быть это никому не нужна безделица. А может быть, вы сможете выручить за нее кучу денег. Давным-давно я нашел ее глубоко под землей, и всю жизнь прятал. Сам не знаю почему. Теперь я отдаю ее вам. Это плата. Сомнительная плата.

– О чем ты говоришь? – спросил Малыш.

– Она в навьюченных сумках. Увидите сами... А сейчас... Прощайте... – старик отступил назад, поднял руку. – Легкого пути!

– Прощай, Халтет, – сказал Малыш.

– Удачи, – пожелал Буйвол.

Парнишка с лошадьми ушел далеко вперед. Его манила даль, и он шагал без остановок. Он смотрел только вперед, потому что позади не было ничего интересного. Он шел к горам. Он хотел увидеть, что там, за горным кольцом. Как выглядит большой мир, какие там люди, дома...

– Постой! – крикнул Малыш. – Как там тебя!? Хатук! Погоди! – Размахивая руками, он побежал за провожатым.

Буйвол уходить не торопился. Он долго смотрел на Халтета, почесывая переносицу.

– Ты знаешь, старик... – начал было он и смолк в нерешительности.

– Да, я знаю, – ответил староста. – Но ты чужой человек. И ты должен идти.

Буйвол помолчал, тряхнул головой:

– Должен... – Он хмыкнул. – Мне не нравится это слово.

– Мало ли кому что не нравится, – невесело усмехнулся старик, и Буйвол подумал, что в общем-то это неглупая мысль.

– Знаешь, – сказал Буйвол. – Я ведь не настоящий воин. Я всего-навсего сын лесоруба.

– Разве это что-то меняет?

– Не знаю, – Буйвол задумался.

– Иди, – поторопил бойца Халтет.

– Я должен? – хмыкнув, переспросил Буйвол.

– Да.

– Тогда я иду... – Он шагнул в степь. И больше не останавливался. Лишь однажды, уже нагнав попутчиков, он на ходу обернулся. И ему показалось, что рядом с крохотной фигуркой Халтета, стоит еще кто-то. Девушка.

Айхия...

– Ну что, дальше верхом? – спросил Малыш паренька-провожатого.

- Да, – согласился тот. – Так будет быстрее.
- Ты со мной или с ним?
- С тобой, конечно. Твой друг очень большой и тяжелый. Лошадь быстро устанет.
- Слышишь, Буйвол! – весело окликнул товарища Малыш. – Тут говорят, что не всякая лошадь тебя выдержит.

Воин не ответил. Он размеренно шагал, держась за седло. Больше он не оглядывался. И до самого вечера он не проронил ни слова.

Глава 9

Буйвол чувствовал, что с ним что-то происходит. Что-то плохое. Кружилась голова, глаза порой совсем застилали мельтешащие черные мошки. Жгло раненную руку. Иногда он не мог пересилить пульсирующую боль и кривился, сдавленно ругаясь сквозь зубы. Его знобило, подташнивало, есть ничего не хотелось, но мучила постоянная жажда. Он делал вид, что с ним все в порядке, но, видимо, это плохо ему удавалось. Малыш все чаще поглядывал на друга и во взгляде его читалась тревога.

До предгорий они добрались быстро – лошадей не пришлось подгонять, животные, очевидно, чувствовали, что впереди их ждут зеленые пастбища, напоенные ледниковыми ручьями.

Хатук всю дорогу неумно болтал. Малыш этим был только доволен – он и сам любил поговорить. Так они и ехали вдвоем на одной лошади – весело переговариваясь, подшучивая друг над другом, изредка обмениваясь беззлобными оплеухами и несильными тычками. Буйвол держался позади. Он был молчалив, на шутки не отвечал.

На первом же привале товарищи изучили содержимое притороченных к седлам сумок. Провизии оказалось более чем достаточно. Был даже овес для лошадей. На дне одной из сумок Буйвол нашел то, о чем говорил старый Халтет. Воин долго крутил в руках металлический диск из серебристого легкого металла, пытаясь понять, что же это такое. Потом передал непонятный предмет Малышу. Лучник попробовал оцарапать отшлифованную поверхность наконечником стрелы, но лишь затупил его.

– Очень прочный металл, – признал Малыш.

– Угу, – согласился Буйвол.

– И очень легкий.

Они ужинали и поочередно разглядывали диск.

– Не могу даже представить, что это такое... – сказал Малыш. – Халтет говорил, что нашел эту штуковину под землей. А вдруг это одна из вещей Древних?

Буйвол пожал плечами. Незаметно для товарища ощупал повязку на руке. Рана словно бы вздулась.

Перекусив, они стреножили лошадей и легли спать. Проснулись, когда еще было темно, и сразу же двинулись дальше.

На рассвете они уже видели горы во всей красе – степь поднималась полого, выгибалась, морщинась складками, и упиралась в неровную цепь скал. На отвесных склонах, цепляясь корнями за камни, росли чахлые искореженные сосенки. Дальше, за скалами, вся земля вставала на дыбы. Чернели разломы глубоких пропастей, стелились длинные языки осыпей, зеленели буйной растительностью плоские уступы. И, растворяясь в туманной дымке, высоко в небе парили неприступные белые вершины.

– Скоро перевал, – сказал Хатук.

К полудню Буйвол окончательно уверился, что с ним что-то не в порядке.

– Что с тобой? – спросил Малыш, остановив лошадь.

– Все нормально... – Буйвол стиснул зубы. – Просто очень жарко...

– Зачем врешь? Я же вижу... Рана?

– Да, – неохотно признался Буйвол. – Кажется, да.

– Надо снять повязку, посмотреть.

– Нет, не сейчас.

– Почему?

– Нужно торопиться.

Малыш помолчал. Спросил неуверенно:

– Все так серьезно?

Буйвол не ответил.

Путники вошли в сумрачное ущелье. Здесь, в каменной теснине, глухли любые звуки и воздух оттого казался густым, тяжелым и мертвым.

– Это начало пути через горы, – сказал Хатук и, выдержав паузу, попросил: – Возьмите меня с собой.

– Нет, – сухо сказал Малыш.

– Я не хочу возвращаться в деревню. Я хочу увидеть мир.

– Мир вокруг тебя, где бы ты ни был.

– Я хочу увидеть что-то новое.

– Сейчас неважно, чего ты хочешь. Ты должен вернуться.

– Тогда... Можно я проведу вас через перевал?

– Нет.

– Я сразу же вернусь, как только горы кончатся.

– Нет, – Малыш покачал головой. – Возвращайся сейчас.

– А если... Если я не послушаюсь?

– Тогда я тебя как следует отшлепаю, свяжу и отвезу домой. Ты вернешься с позором, не выполнив поручения старосты. Этого ты хочешь?

– Ладно... – в голосе паренька слышалась обида. – Если ты так... – Хатук сполз с седла, взял лошадь под уздцы, приказал: – Слезай!

– Так-то лучше, – Малыш прыгнул на землю, потрепал парнишку по вихрастой голове. Тот вывернулся из-под руки лучника.

– Куда нам теперь? – спросил Малыш.

– Прямо. И вверх. Идите туда, куда можно идти, здесь одна дорога. Когда выйдете к ручью, спускайтесь по течению.

– Зря обижаешься, – сказал лучник. – Ты еще молод. Подрастешь, станешь самостоятельным, тогда, может быть, повидашь весь мир.

– Я уже самостоятельный, – буркнул Хатук.

– Вижу, – согласился Малыш. – И все же ты должен вернуться.

– Надо спешить, – севшим напряженным голосом проговорил Буйвол.

– Халтет велел оставить вам одну лошадь, – сказал, дуясь, Хатук. – Он бы отдал вам обеих, но совсем без лошадей нам никак нельзя.

– Это хорошо, – сказал Малыш и, наклонившись к пареньку, шепнул доверительно: – Мой друг болен. Боюсь, идти пешком ему будет трудно. Очень трудно.

– Я все слышу! – Буйвол заставил себя выпрямиться в седле. – Не обращай внимания на его слова, паренек. Он много пустого болтает.

– Видишь? – Малыш подмигнул Хатуку. – Мой друг уже бредит. Скоро он взбесится и будет опасен.

– Заткнись! – рявкнул Буйвол и скривился от резкой боли.

– Слышишь? Уже начинается... Так что давай, со всех ног дуй домой, пока он не взбесился окончательно. Идти с нами слишком опасно. Возможно, я сам с ним не справлюсь.

– Ладно... – Хатук пытался сдержать улыбку. – Счастливой дороги.

– Может быть, мы встретимся еще когда-нибудь, – сказал Малыш.

– Может... Где-нибудь в большом мире...

Бойцы уходили в глубину ущелья. Хатук, улыбаясь, махал им вслед рукой.

Скорчившийся Буйвол болтался в седле – казалось, он вот-вот свалится. Малыш вел лошадь и свободной рукой придерживал товарища.

– Удачи! – крикнул Хатук, но угрюмая теснина поглотила его молодой звонкий голос.

Они двигались без остановок. Путь был нелегкий – каменные россыпи, крутые скалистые подъемы, узкие трещины проходов. Малыш, схватившись за поводья возле самых взмыленных удили, тащил за собой выбивающуюся из сил лошадь. Буйволу было очень плохо. Но он еще как-то ухитрился держаться в седле. Иногда он терял сознание и бредил. Глаза его закатывались, и он бормотал что-то о богах и судьбе, о серой безликой тени. Малыш оборачивался, с тревогой поглядывал на безвольно мотающегося друга, качал головой.

Ущелье кончилось. Дорога стала еще тяжелей. Словно ступени гигантской лестницы поднимались вверх нагромождения террас. Из-под ног сыпались камни, катились под уклон, набирая скорость, прыгая, высекая искры, увлекая за собой грохочущие обвалы. Малыш не оглядывался.

Ночью все небо было усыпано звездами, словно мукой. Огромная луна, похожая на непропеченный каравай, висела совсем рядом, раскачивалась в такт шагам. Казалось, что до нее можно допрыгнуть, ухватиться и отломить кусочек.

– Где мы? – спросил вдруг очнувшийся Буйвол. Малыш посмотрел в призрачно бледное лицо друга и сказал:

– Наверху.

– Диск, – пробормотал Буйвол, потянувшись к луне.

– Держись! Доберемся до города, найдем лучшего лекаря. И пусть только он откажется тебя лечить!

Буйвол обмяк, привалился к шее лошади, стал сползать вбок. Малыш подхватил товарища, выровнял его в седле. Сердито прикрикнул на замедлившую шаг кобылу.

С неба срывались звезды, беззвучно катились вниз.

Рокоча, валились в черную бездну камни.

Как-то незаметно выровнялась земля под ногами. Путники шли по острому скалистому гребню.

Близящийся рассвет разукрасил небо багровыми оттенками. Осыпались последние звезды, померкла луна. Внизу матово мерцал густой туман, и ветры замешивали его, словно крутое тесто.

Восход солнца путники встретили на плоской вершине столовой горы.

Вспухающий пламень поднялся из-за невообразимо далекого горизонта, заколыхался, потек, приобретая форму. По небу разлилось многоцветное трепещущее сияние. Вечные льды на неприступных вершинах запылали пожарами. Зардели туманы.

Буйвол открыл глаза и спросил:

– Что это? – голос его дрожал.

– Солнце... – ответил Малыш, потрясенный величественным зрелищем. – Это солнце встает.

Лопнула тонкая пуповина, и неровный алый диск оторвался от родившей его земли...

Они вышли к ручью, когда солнце поднялось вровень с горными вершинами и раскалилось до ослепительной белизны.

Искрящийся поток несли по камням, рокоча, подхватывая окатыши, шлифуя их водоворотами, плеская брызгами в неподъемные валуны, задиристо со всего маху налетая на скалы...

Половина пути была пройдена.

А спускаться было много тяжелей, чем идти вверх.

Этого человека Малыш приметил издали и на всякий случай поправил колчан со стрелами и проверил лук. Незнакомец, скрестив ноги, неподвижно сидел на берегу набравшей силу и успокоившейся реки.

Горы были пройдены. Спуск занял не так много времени, как подъем, но отнял больше сил.

Малыш остановился, придержал лошадь. Осмотрелся.
Вечерело.

Каменистые предгорья плавно переходили в холмистую равнину, смыкающуюся с небом. Высокая трава колыбалась под ветром, катилась волнами к горизонту. Вдалеке виделись неровные перелески – словно островки посреди травяного моря.

Неподвижный человек на берегу реки будто чего-то ждал.

Привязанный к седлу Буйвол шевельнулся. Забормотал что-то сбивчивое, невнятное. Малыш тронул вялую руку товарища и испугался, такая она была горячая.

– Уже скоро, – пообещал он. – Совсем скоро, потерпи немного.

Он, еще раз проверив оружие, взял поводья и потянул лошадь за собой. Кобыла недовольно фыркнула, мотнула головой, уперлась.

– Ну же... – Малыш погладил ее по шее, провел рукой по сухим воспаленным ноздрям. – Пошли, милая...

Лошадь стояла как вкопанная.

Незнакомый человек поднялся.

– Эй! – Малыш махнул ему рукой. Кобыла, испугавшись громкого окрика, прынула ушами, всхрапнула, тронулась с места.

– Эй! Нам нужна помощь!

Человек смотрел в их сторону. Он был далеко и, наверное, не разбирал, что ему кричат. И все же он, помедлив, приветственно поднял руку.

– Пошли, пошли... – Малыш тянул лошадь за собой. – Ну же!..

Они долго двигались по берегу реки, утопая в густой высокой траве. Буйвол раскачивался в седле, голова его болталась – он был похож на большую тряпичную куклу. Незнакомец следил, как они приближаются.

– Мой друг болен! – крикнул ему Малыш. – Где можно найти лекаря?

Ветер шумел в прибрежных камышах.

– Ему нужен лекарь!

Звенела вода на недалеком перекате.

– Он ранен! Он без сознания!

Незнакомец не отвечал. Он стоял неподвижно, спокойно смотрел на подходящих путников, и Малыш встревожился. Кто этот человек? Почему он не скрывается, встретившись в безлюдной местности с вооруженными чужаками? А вдруг это ловушка? Может в траве вокруг прячутся его товарищи, готовясь напасть?

Малыш остановился шагах в тридцати от незнакомца, незаметно коснулся кончиками пальцев оперения стрел в колчане и спросил:

– Кто ты?

Станный человек не ответил. Он разглядывал взмыленную исхудавшую кобылу, привязанного к седлу Буйвола, хмурого напружиненного Малыша. Незнакомец был невысок и казался изможденным, но слабым он не выглядел. Он держался уверенно, почти величественно, словно за его спиной находилась целая армия.

Взгляды Малыша и незнакомца пересеклись, сцепились надолго.

– Мне сейчас некогда играть в эти игры, – лучник опустил глаза. – Мой друг болен, ему срочно нужен лекарь.

– Что с ним? – незнакомец наконец-то открыл рот.

– Несколько дней назад ему прострелили руку.

– Что ж, я могу осмотреть его рану.

– Ты лекарь?

– Не совсем, – незнакомец чуть повернул голову, и Малыш увидел на его щеке круглое монашеское клеймо.

- Ты монах!
- Я слуга Локайоха.
- Так ты поможешь нам?
- Я сделаю, что должен сделать.
- Тогда давай скорей! Мой друг без сознания!
- Все делается вовремя, – спокойно заметил монах. – А сейчас иди за мной.
- Куда?
- В храм.
- Храм? – Малыш не очень-то доверял незнакомцу. – Где он?
- В горах. И хватит разговоров. Идем...

Странное дело – кобыла послушно двинулась вслед за монахом. Буйвол, раскачивающийся в седле, вздернул голову и забормотал что-то быстро и невнятно. Малыш расслышал слово «судьба». И подчинился...

Они возвращались к горам.

Буйвол был плох. Ему срочно требовалось лечение.

Глава 10

Храм оказался обычной пещерой, вход в которую был закрыт тяжелыми воротами с узкими щелями бойниц.

Монахи знали толк в обороне – подняться к пещере можно было лишь по узкой крутой тропе, похожей на желоб. Возле ворот храма на приподнятых деревянных настилах громоздились круглые обтесанные валуны. Только посмотрев на них, Малыш понял, для чего они предназначены – если враги двинутся на приступ вверх по тропе, то первое, с чем они столкнутся, это с лавиной неудержимо катящихся каменных ядер.

Неприступные вершины отвесных скал, окруживших тропу, были опутаны сетью веревочных мостов и лестниц. Наверняка, там тоже что-то было сооружено. Что-нибудь вроде каменных гнезд с круговым сектором обстрела, рассчитанных на нескольких защитников.

Над воротами каменным козырьком нависал широкий уступ. Забраться на него без многометровых лестниц не представлялось возможным, но Малыш был уверен, что туда можно попасть из пещеры. На уступе густо, – видимо не без участия человека, – росли колючие кусты, но у Малыша были острые глаза и сквозь зелень он разглядел каменную кладку возведенных там укреплений. Отличная позиция для обстрела противника, атакующего вход. Можно даже обойтись без луков – достаточно лить на головы наступающим горячую смолу и кипяток и швырять булыжники.

О тяжелые ворота, окованные железом, укрепленные металлическими полосами, остинившиеся трехгранными шипами в локоть длиной, можно было разбить десятки таранов, прежде чем они дадут слабину.

Слуги Локайоха могли чувствовать себя в полной безопасности...

Внутри храм так и остался пещерой, несмотря на все старания людей. На неровных закопченных стенах главного зала можно было разглядеть нечеткие письмена и примитивные рисунки. С потолка тянулись известковые сосульки сталактитов, самые длинные были обколоты. Срывающиеся капли глухо бились о пол. Влага собиралась в выдолбленных канавках, стекала по ним в небольшой круглый бассейн. В центре зала стоял полукруглый алтарь, вытесанный из гранита, окованный медью и латунью, украшенный рубинами – огненными камнями Локайоха. Сам бог, отлитый из золота, возвышался над алтарем. В руках он держал горящие свечи. Возле его ног на раскаленной жаровне мерцали алые угли. В открытом рту бога, наполненным благовонным маслом, плавал чадающий фитиль, похожий на свернувшуюся змею. Глаза Локайоха, сделанные из рубинов, казались живыми.

В стенах пещеры чернели отверстия многочисленных ходов. Некоторые вели в прочие помещения храма – в кладовые, в сокровищницы, в кельи и трепезные. Другие заканчивались тупиками или бездонными провалами. Третьи тянулись вглубь земли, и никто не знал, есть ли у них конец.

Разве только сам Локайох.

Но бог редко говорил. Он был слишком занят судьбами людей.

Лошадь пришлось оставить у ворот. Тащить Буйвола на себе было тяжело, но Малыш пока справлялся.

Монах, не оборачиваясь, храня молчание, показывал дорогу.

Они пересекли главный зал храма, прошли мимо алтаря, залитого теплым мерцающим светом. Малышу почудилось, что Локайох покосился на них своими рубиновыми глазами, и он, не сдержавшись, неожиданно для самого себя показал богу язык.

Потом они долго протискивались сквозь тесную кишку извилистого хода. Несколько раз Малыш преобольно ударялся лбом о какие-то выступы и невольно думал, что это Локайох так ему мстит.

Стены пещеры чуть раздались. Монах отдернул занавесь и посторонился, пропуская мимо себя отдувающегося Малыша с бесчувственным Буйволом на спине.

В келье было довольно уютно. С потолка свисал на цепи медный светильник с тремя фитилями. На деревянном полу стояла кадка, полная земли, в которой чах какой-то бледный куст. Жался в угол трехногий стол, похожий на огромное приплюснутое насекомое. На широких нарах с грудой тюфяков, набитых соломой, могли разместиться человек пять, не меньше. Воздух здесь был не такой затхлый как в главной пещере, из небольшой щели в стене тянуло сквозняком.

Малыш, не дожидаясь разрешения хозяина, положил Буйвола на постель. Перевел дух, утер пот, присел рядом с другом. Монах стоял у входа и не двигался.

– Ну, что дальше? – спросил Малыш, раздраженный тем, что никто не торопится оказывать напарнику помощь.

– Как тебя зовут? – поинтересовался монах.

– Это так важно сейчас? А тебя как?

– Суайох. Это имя дали мне братья.

– Ну, а я Малыш. Это имя дала мне мать.

– А это Буйвол?

– Да, – Малыш удивился, насторожился. – Откуда ты знаешь?

– Вы должны были появиться.

– Так ты специально ждал нас там у реки?

– Зачем ждать неотвратимое? Я просто ставил сети.

– Что-то я тебя не понимаю, – пробормотал Малыш. Буйвол вдруг застонал громко, перевернулся на бок, с трудом приподнялся на руках. Застыл в неловкой вывернутой позе. Он тяжело и прерывисто дышал. Все тело мелко тряслось. Дрожали опухшие веки.

– Помоги ему, – потребовал Малыш и отодвинулся.

Монах шагнул к воину. Заглянул в бледное осунувшееся лицо, коснулся задубевшей повязки на ране. Сказал:

– Нужна горячая вода и нож. Я сейчас вернусь, – и скрылся за занавеской.

– Вот дела! – буркнул Малыш, глядя на друга. – Они нас ждали. Ты представляешь? Хотелось бы знать, зачем... – Он уложил безответного дрожащего Буйвола и перешел на другую сторону кровати. Сел на пол, повернувшись лицом ко входу. Рядом положил колчан, взял лук в руки. Едва ли на них нападут, это легче было сделать раньше, на открытом месте. Но все же...

Буйвол вроде бы успокоился. Только скрежетал зубами, словно камни жевал.

– Потерпи, – сказал ему Малыш. – Неужели ты собираешься хотя бы в этом меня опередить? Даже не думай! Я во всём буду первым, всегда, вот так-то!

Монах вернулся на удивление быстро. Он нес в руках глубокий медный таз, прихватив его через полотенце. Увидев сидящего на полу за кроватью Малыша, он покачал головой и сказал с легким укором:

– Здесь вам нечего бояться.

Малыш хмыкнул, отложил лук. Возразил:

– Ты не прав. Всегда есть чего бояться.

Суайох поставил таз на шаткий столик, заметил:

– Твои опасения ничего не изменят. Ты не сможешь защититься от неизбежного.

– Раньше мне как-то не доводилось близко общаться со слугами богов. – Малыш усмехнулся. – Значит, это и есть монашеское смирение? Должен сказать, оно мне не по душе.

– И от этого тоже ничего не зависит, – монах со дна таза достал нож с узким лезвием, стряхнул с него воду. Сорвавшиеся капли разбились о пол, растеклись черными кляксами.

Сев рядом с Буйволом, монах внимательно осмотрел забинтованную руку. Покачал головой.

– Вы должны были сразу снять повязку, как остановилась кровь.

– Но это же ничего бы не изменило, – едко заметил Малыш.

– Возможно, изменило бы. Но вы этого не сделали. Не могли сделать. И теперь вы здесь...

Буйвол застонал, когда Суайох в нескольких местах надрезал повязку и стал сдирать ее лоскутами. Вместе с тканью отслаивалась гниющая плоть. Монах качал головой, Малыш с тревогой следил за его лицом. Не выдержав, он спросил:

– Плохо? Плохо, да? Но он... С ним все будет в порядке?

– Всё всегда в порядке, – равнодушно откликнулся монах, отдирая задубевшие куски повязки, словно древесную кору, бросая их на пол. – Что бы ни случилось.

Разозлившийся Малыш повысил голос:

– Я спрашиваю, не умрет ли он?

– Он не может умереть раньше времени. Для этого здесь я.

Суайох разглядывал гниющую рану, осторожно ощупывал руку, определяя как далеко распозлась болезнь. Конечность выглядела отвратительно – она сильно вздулась, натянувшаяся кожа была серо-синего цвета. Края раны висели белесыми лохмотьями, обнажившиеся мышцы цветом напоминали вареное мясо. Горячая мягкая плоть тошнотворно пахла гнилью.

– Я вылечу его, – сказал монах. – Но это будет дорого стоить.

Малыш помолчал, не зная, как сказать, что у них почти ничего нет. И ответил:

– Я отдам все, что у нас есть.

– Хорошо... – Суайох подошел к столу, достал из таза другой нож, с широким дугообразным лезвием. Приказал: – Держи своего друга. Сейчас я буду его резать.

Малыш встал в изголовье, опустил ладони на широкие плечи Буйвола, прижал. Монах покачал головой:

– Не так. Садись на него. Навались всем телом. Держи изо всех сил.

– Он же без сознания.

– Ему будет больно, – сказал Суайох. – Очень больно.

Малыш все сделал, как говорил монах.

И когда Суайох стал иссекать пораженную болезнью плоть, Буйвол очнулся, зарычал, заревел во весь голос, заметался на кровати, словно бешеный. На губах его выступила кровавая пена. Мутные глаза лезли из орбит.

Действительно, ему было очень больно.

Через три дня Буйвол пришел в сознание и увидел над собой низкий свод пещеры. Он никак не мог понять, где находится, не мог вспомнить, как он тут очутился. Он лежал, не в силах двинуться, тупо смотрел в потолок и мрачно думал, а не склеп ли это.

Потом вспомнился переход через горы, и тут же вернулось знакомое ощущение, что с ним что-то не в порядке.

Рука! Пробитая стрелой рука. Вздувшаяся, болезненная. Непослушная...

Дрогнули губы:

– Есть тут кто?

Собрав все силы, Буйвол чуть повернул голову, скосил глаза. Шею пронзило острой горячей болью, мгновенно растекшейся по плечам. Перед глазами заплясали черные точки... Он зажмурился, выждал немного. Снова открыл глаза.

Чахлый куст в кадке. Оштукатуренные голые стены. Колышущиеся тени.

А значит есть светильник. Следовательно, это не склеп.

– Есть тут кто? – повторил Буйвол. – Эй!

И снова никто не отозвался.

Если светильник горит, значит люди где-то рядом.

– Малыш! – позвал Буйвол и поперхнулся слюной. Он вдруг почувствовал жуткий голод. А это значило, что теперь с ним все в порядке.

Подземный храм жил по своему тайному распорядку. Днем монахов почти не было видно. То ли они занимались делами на поверхности, то ли отсиживались в кельях-одиночках. С наступлением вечера слуги Локайоха собрались в трапезных и молельных. Малыша туда не пускали, и он мог только предполагать, что там происходит. Еду дважды в день приносил ему Суайох, оставлял на треногом столике – хлеб, сыр, рыба и вода.

Первую ночь Малыш провел в келье рядом с Буйволом. Утром он чувствовал себя совершенно разбитым – всю ночь его мучили кошмары, он задыхался под землей. После этого он старался как можно чаще бывать под открытым небом, за воротами храма. И каждый раз, выходя из пещеры, он наслаждался яркими красками мира, тихим многоголосием природы и вкусом свежего воздуха. Спал он теперь на улице рядом с кобылой, зарывшись в охапку травы.

Монахи его игнорировали. Они не замечали его приветствия – и он перестал здороваться с ними. Они не отвечали на его вопросы – и он уже ни о чем их не спрашивал. Только Суайох иногда произносил что-нибудь непримечательное и скучное.

Малыш так и не понял, сколько же монахов проживает в многочисленных пещерах храма. Иногда ему казалось, что он единственный живой человек в этом подземелье. А иной раз из запретных молельных комнат до него доносился приглушенный гул сотен голосов.

Главная пещера почти всегда пустовала и это казалось странным – никогда никого не видел Малыш возле алтаря перед золотой статуей бога.

Он не мог понять даже, насколько велик монастырь. Ему запретили совать свой нос куда не следует, а на вопрос, что будет, если он не послушается, многозначительно промолчали. И он не решался послушаться. И вовсе не потому, что боялся этих странных монахов, а лишь из-за опасения потеряться в лабиринте бесчисленных ходов.

Малыш с нетерпением ждал, когда Буйвол придет в себя и можно будет отсюда убраться.

– Эй! – Буйвол перевернулся на другой бок. Это оказалось не так трудно, только раненая рука отозвалась болью, и на чистой тонкой повязке проступило кровавое пятно.

Треногий стол с объедками. Светильник над ним. Из трех фитилей зажжен лишь один.

– Проклятье... – пробурчал Буйвол. – И куда все запропастились?.. – Он набрал в легкие побольше воздуха и заорал во всю глотку, довольный тем, что может кричать так громко:

– Малыш! Чтоб тебя разорвало! Где ты там?!

Кровь прилила к голове, застучала в висках. Глаза застила красная пелена. Перевязанная рука запульсировала тянущей болью.

Буйвол какое-то время ждал ответа, напряженно вслушиваясь в могильную тишину. Так ничего и не услышав, он сердито фыркнул, рывком приподнялся на руках, спустил ноги на пол. Сел. Выдохнул. Закрыв глаза, борясь с головокружением и тошнотой. Скрипнул зубами, стиснул кулаки, отгоняя одолевающую слабость.

Опираясь на жесткую постель, Буйвол встал на ноги. Сильно качнувшись вперед, теряя равновесие, сделал шаг. Потом еще один. Прижавшись к стене, перевел дыхание. Разозлился на себя за немочь и беспомощность. Шагнул к портьере, вцепился в плотную ткань, решительно отдернул.

Открывшаяся черная дыра дохнула затхлостью. Буйвол осторожно сунул голову в непроглядную тьму прохода, пробормотал удивленно:

– Да где же это я?

И вдруг из мрака прямо на него двинулась серая тень. Он шарахнулся, ударился раненой рукой о стену, взвыл от боли, потерял равновесие, судорожно схватился за занавеску, но ткань с треском расползлась, наверху что-то лопнуло, и Буйвол мешком свалился на пол. Сорванная завесь накрыла его, он попытался сдернуть ее с головы, но лишь еще больше запутался. Он на четвереньках пополз куда-то вслепую, налетел лбом на стену. Дернулся, силясь встать, завалился на бок. И замер, беспомощный, незрячий, спеленатый словно младенец. Даже ругаться не мог – пыль забила горло.

А рядом кто-то знакомо хохотал.

Над ним!

Серая тень!

Он отплевывался, чихал и кашлял одновременно. Чьи-то руки помогали освободиться.

– Ты! – выдохнул Буйвол, и снова захлебнулся пылью.

Звонко хохоча, его распутывал Малыш.

Наконец-то освободившись, отплевавшись и откашлявшись, угрюмый Буйвол долго разглядывал развеселившегося друга.

– Что смешного? – спросил он.

– Ничего особенного, – развел руками улыбающийся Малыш. – Как ты себя чувствуешь?

Буйвол не ответил, он сам задал вопрос:

– Где мы?

– В монастыре.

– Где? – переспросил Буйвол, заподозрив, что Малыш над ним издевается.

– В монастыре служителей Локайюха. Под землей. В пещерах.

Буйвол, надув щеки, фыркнул, почесал переносицу.

– Правда?

– Ага, – Малыш кивнул.

– И как мы тут очутились?

– Ты не помнишь?

– Помню только как шли через горы. Как спускались помню. А дальше что?

– А ничего. Нам встретился человек. Монах. Он отвел нас сюда, изрезал твою руку, промыл рану какой-то гадостью, пошептал что-то, наверное помолился, потом...

– Моя рука... – Буйвол посмотрел на повязку, пропитавшуюся свежей кровью. Спросил с затаенным страхом: – Он меня изуродовал? Я не чувствую руку! Она работает?

– Он тебя вылечил, – сказал Малыш. – Ты ничего не соображал, бормотал что-то насчет серой тени и судьбы...

Буйвол вздрогнул.

– ...ты сам не свой был. Мне пришлось привязать тебя к седлу, чтобы ты не свалился. Да ты бы помер, если б не этот монах!

– Локайюх, – сказал вдруг Буйвол, и Малыш понял, что друг его совершенно не слушает.

– Что? – переспросил он.

– Та тень! В моих снах! Это Локайюх!

– Да?

– Ему что-то от меня было нужно!

Малыш, прекратив улыбаться, с тревогой глянул на товарища. Сказал неуверенно:

– Пожалуй, на сегодня достаточно болтовни. Давай-ка я помогу тебе добраться до постели, ты ложись, отдыхай. А я попробую раздобыть еды.

– Что им нужно от нас? – Буйвол задыхался, и Малышу показалось, что его друг опять бредит.

– Ну-ка поднимайся! Пошли отдыхать!

– Что они хотели? – Буйвол отбросил протянутую руку друга.

– О чем ты? – обеспокоенный Малыш присел рядом с товарищем, нахмурившись, заглянул ему в глаза.

– Не знаю... – Буйвол вдруг обмяк, голос его зазвучал глуше. – Не знаю... Сам не пойму... Странные сны... Ничего не могу вспомнить.

– Ты еще болен. Тебе надо набраться сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.